

ВИКТОР СТЕПАНЫЧЕВ

НАЕМНИК

ОТЕЛЬ

«AMBASSADOR»

Виктор Степанычев
Отель «Ambassador»

«Научная книга»

2007

Степанычев В.

Отель «Ambassador» / В. Степанычев — «Научная книга», 2007

Международный террорист по прозвищу Халиф готовит беспрецедентный акт возмездия. По данным разведки, преступник пока что отсиживается в Йоханнесбурге. Сотрудник спецподразделения легендарный полковник Веклемишев, известный среди друзей и врагов как Викинг, получает задание и отправляется на юг Африки. Халиф безжалостный, изворотливый и предельно опасный, но Викинга, пожалуй, ему следует опасаться. Халиф меняет внешность, он переезжает из одной страны в другую, но все тщетно. Викинг идет по его следам...

© Степанычев В., 2007

© Научная книга, 2007

Содержание

Часть первая. Особое поручение	6
Глава 1. Забытый знакомый	6
Глава 2. Двадцать второй – Двадцать третьему...	11
Глава 3. По эстафете	16
Глава 4. Сомнения и старлей Гриша	20
Глава 5. Проверка на дороге	25
Глава 6. Вопросы есть? И очень много...	29
Глава 7. Двое сбоку...	33
Глава 8. Демон ночи	37
Глава 9. Прости-прощай...	42
Глава 10. Дом, улица, фонарь... и очередная засада	46
Глава 11. Я умер вчера...	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктор Степанычев

Отель «Ambassador»

*Он умер в то время, в которое жил.
Пауло Козьмо, эпитафия на собственную надгробную плиту*

*Скоро ли свежий снег?
У всех ожиданье на лицах...
Вдруг зимней молнии блеск!
Басё, японский поэт XVII века, хокку*

Часть первая. Особое поручение

Глава 1. Забытый знакомый

Служебная белая «Волга», выжимая все возможные лошадиные силы из роверовского двигателя, летела в туче брызг по мокрой подмосковной трассе. Унылый пейзаж замученного затяжными дождями раннего ноября за стеклами автомобиля настроения Веклемишеву не прибавлял, хотя и причин для расстройства, в общем-то, не было. Ну, выдернули срочно в командировку, так не в первый и не в последний раз подобное случается. Правда, повод для столь поспешного отъезда был не совсем ординарный, но и это не являлось чем-то необычным для Вадима. Человек он служивый, ко всему, считай, привычный.

Веклемишев на несколько минут заскочил домой, чтобы переодеться и покидать в дорожную сумку все необходимое для поездки в Чечню. Долго задерживаться там Вадим не собирался, не было для этого предпосылок, потому и багаж взял такой, что руки сильно не оттягивал. Несессер, пара носков, свитер, спортивный костюм и кроссовки – достаточный минимум на пару суток, которые Веклемишев планировал провести в неожиданно свалившейся на его голову поездке.

И сейчас в этой самой голове роились мысли о предстоящей встрече с человеком, которого он не видел несколько лет и, если честно признаться, не вспоминал все эти годы. Муса Дагаев был информатором Веклемишева во время его последней и, мягко говоря, неудачной командировки в Чечню. Именно с Дагаевым он должен был встретиться вечером на окраине горного села, но это тайное randevu так и не состоялось. Жестокий и подлый удар по затылку прикладом «калашников», который нанес пьяный солдат-контрактник, лишил Вадима памяти на долгие месяцы и отправил скитаться по неуютным российским просторам. Однако не пропал тогда беспамятный Веклемишев «в людях», смог сохранить себя и даже достиг немалых высот на профессиональной спортивной арене, куда его занесла нелегкая судьбушка. А потом было долгое лечение, рутина в должности заместителя начальника Отдела по боевой подготовке, южноамериканский координационный центр по борьбе с терроризмом и, наконец, возвращение в родные пенаты. Но это дела прошедшие, а сейчас Веклемишева заботило совсем иное, правда, также явившееся из не такого уж и далекого прошлого.

Дагаев сотрудничал с Вадимом вовсе не из-за денег и не по идейным соображениям, а по причинам семейного характера, если так можно было назвать кровную месть. Муса был родом из Грозного, а его жена Белла являлась уроженкой Шатоя. Они познакомились во время учебы в грозненском университете. В восемьдесят пятом году сыграли свадьбу, и через пять лет у них было уже трое детей – две дочери и сын. Почти до середины девяностых Муса Дагаев трудился главным экономистом в нефтегазодобывающем управлении, а Белла преподавала английский язык в одной из грозненских школ.

Развал Советского Союза и дальнейшие известные социальные и экономические проблемы практически парализовали в республике если не жизнь, то уж экономику – точно. К девяносто четвертому году НГДУ «успешно» прекратило свою деятельность. Школы еще работали, однако заработную плату учителя не видели по году и более.

Семья экономиста и преподавателя английского языка лишилась средств к существованию. Только редкие случайные заработки Мусы и передачи продуктов из Шатоя от родителей жены позволяли им не умереть от голода. А тут еще и слухи о скорой войне...

Посоветовавшись, Дагаевы решили, что Белле с детьми лучше на время уехать из Грозного к отцу и матери. Огород и сад, домашний скот и птица, которые держали бывшие заместитель начальника райотдела милиции и секретарь районного суда могли без труда обеспечить

сытое существование не только им самим, но и дочери, и ее детям. Муса не поехал в Шатой – не позволила гордость чеченского мужчины садиться на шею престарелым родителям жены. Он отправился на заработки в Подмоскovie, где устроился в бригаду, возводившую коттеджи для новых богатых русских.

Зарабатывал новоиспеченный строитель неплохо, а главное – стабильно. Пару раз в год Дагаев приезжал в Чечню и пробирался с риском для жизни через блокпосты федералов и заставы боевиков в Шатой, чтобы повидаться с семьей и передать им деньги. Возвращаться в Грозный Дагаевым смысла не было. «Свободная Ичкерия» не избежала войны с федеральным центром, а проще – с Россией. Затяжные кровопролитные бои, которыми на деле обернулся «грачевский» петушиный наскок на Грозный, превратили город в грудку развалин. Посетив в один из приездов свое жилье в чеченской столице, Муса нашел дом полуразрушенным, а квартиру – полностью разграбленной.

Стрельба не только по ночам, но и среди бела дня в Грозном стала делом обыденным. В Шатое жить было куда безопаснее и сытнее, хотя и эти края не минула горькая доля беспредела. Вот только бегство Дагаевых от большой войны не принесло им спокойствия, более того, обернулось страшным горем для Мусы. В декабре девяносто девятого года, в самый разгар «второй чеченской», в Шатое появился отряд арабских наемников под командованием полевого командира йеменца Абу Обад ас-Садиха, друга и соратника Хаттаба, непосредственного подчиненного руководителя известной на Ближнем Востоке террористической организации «Бригада Халед эль-Истамбули» шейха Тахера Махмуда эль-Моршеди. Наемники-арабы провели карательную «зачистку» Шатойского района. Были уничтожены десятки бывших работников советских исполнительных органов и милиции и их семьи. Не прошла беда и мимо дома отца и матери Беллы Дагаевой. Боевики ас-Садиха зашли ночью в село и вырезали несколько семейств. Арабы точно знали, в какой двор идти, списки жертв были заготовлены заранее. В них попали и родители жены Дагаева. Наемники не щадили ни взрослых, ни детей...

Муса узнал о случившемся только через четыре месяца, когда привез деньги, заработанные на стройке. Но его встретили лишь шесть скорбных холмиков прямо во дворе дома, где соседи похоронили семью Дагаева. Два дня и две ночи Муса пролежал на холодной апрельской земле у могил родных. Поднявшись на третьи сутки, черный от горя, Дагаев постучался в соседний дом и попросил поведать, что произошло черной декабрьской ночью. Молча выслушав рассказ, он не сказал ни слова, повернулся и ушел.

В Шатое Дагаев больше не появлялся. Один из амнистированных, вернувшийся домой участник незаконных вооруженных формирований, обмолвился, что встречался с Мусой в окружении Хаттаба, а потом прошел слух, что его видели в ливанском тренировочном лагере «Айн Хелук». Земляки, знавшие о трагедии семьи Дагаева, не верили, что он мог пойти на службу к арабам, но это было действительно так. Муса дал себе слово отомстить за смерть близких. Кровная месть для выпускника университета и главного экономиста НГДУ стала единственной целью его жизни.

Внедрившись в ряды боевиков, «одиноким волк» начал охотиться за ас-Садихом, которого считал главным виновником гибели своей семьи. Подобраться к нему, чтобы совершить задуманное, было делом нелегким: отряд йеменца воевал автономно, состоял из проверенных людей, и телохранители ни на шаг не отходили от своего командира. Но Муса не спешил и, шаг за шагом входя в доверие к руководителям чеченского сопротивления, все ближе подбирался к Абу Обад ас-Садиху.

В боевых акциях боевиков Дагаев практически не участвовал.

Совершенно неожиданно оказалось востребованным экономическое образование Мусы. Не только операции против федеральных войск, но и финансовые дела полевых командиров требовали участия в них хороших специалистов, и еще можно было поспорить, что для них было важнее. Учет поступаемых средств от зарубежных и отечественных спонсоров и «доб-

ровольных пожертвователей», расходы на оружие, технику и продовольствие, оплата «труда» боевых отрядов, групп и рядовых боевиков, переводы денег на личные счета требовали профессионального подхода. Этим в основном и занимался Муса Дагаев в преддверии часа, когда он совершит справедливый суд над ас-Садихом.

Однако время ожидания совершения акта возмездия занимали не только дебетно-кредитные финансовые дела. Дагаев не упускал случая расправиться с наемниками-арабами, хладнокровно и целенаправленно уничтожая одного за другим. Цепь загадочных смертей прокатилась в среде боевиков-иностранцев. По большей части они имели вид естественной гибели: сорвался с обрыва, попал под каменную осыпь, свернул шею, выпрыгивая из кузова машины... Дагаев умело заметал следы, однако на очередном покушении, через год с небольшим после внедрения к боевикам, прокололся.

Три отряда – два чеченских и один, состоявший по большей части из арабских наемников, – соединившись, производили передислокацию для подготовки крупной операции против федеральных сил. Дагаев в то время состоял при штабе «бригадного генерала» Исробила Гароева. Марш был долгий, пятисуточный, с привалами. На второй ночевке Муса высмотрел себе очередную жертву.

Проследив за отошедшим по нужде от лесного бивака огромным бородатым наемником-иорданцем, Дагаев неслышно двинулся в темноте следом за ним. Безжалостный удар прикладом автомата в основание черепа размозжил шейные позвонки араба и отправил его в райские кущи, прямо в объятия гурий. Подхватив безжизненное тело, Муса поволок его к обрыву, чтобы сбросить в звенящую далеко внизу горную речку. Вдруг неожиданный перестук показавшихся где-то совсем рядом камней заставил Мусу замереть. Казалось, чья-то нога тронула и осыпала мелкую щебенку на крутом склоне. Дагаев некоторое время стоял, напряженно вслушиваясь в темноту, но шум больше не повторился. Сбросив египтянина с обрыва, Муса кружным путем вернулся к биваку. Недолгого отсутствия Дагаева никто из боевиков не заметил. Утром на речных валунах обнаружили труп араба и списали его смерть на собственную неосторожность.

Через пару недель, уже после операции, во время привала на переходе к новому горному лагерю, рядом с лежащим на траве, отдыхающим после тяжелого марша Дагаевым присел молодой татарин. Он числился в «арабском» отряде, прибыл с ним шесть месяцев назад из тренировочного ваххабитского лагеря в Сирии, где проходил боевую подготовку. Дагаев слышал, что арабы очень ценили молодого ваххабита за то, что он знал наизусть Коран и мог по памяти прочитать любую суру.

– Тебя зовут Мусой? – незастенчиво спросил парень.

– Да, я Муса, – нехотя сказал Дагаев и приоткрыл глаза. – Что тебе нужно?

– А я – Рашид, – сообщил ему парень, растягиваясь рядом на траве. – С тобой хочет поговорить один человек.

– Пускай подойдет, поговорим, – безмятежным тоном согласился Муса.

– Не здесь и не сейчас, – зевнув, пробормотал Рашид. – Тяжелый был переход... Когда ты поедешь по своим финансовым делам в Шали или Урус-Мартан, сообщишь мне, где тебя можно будет найти – там с ним и встретитесь.

– Кто он такой? – холодно спросил Дагаев. – И что тебе и ему от меня нужно?

– Поговорить об общем деле, – сообщил ему Рашид.

– Это с каких пор у меня с тобой общие дела? – приподнялся на локте Муса и настороженно посмотрел на парня.

Его рука будто сама собой легла на автомат, лежащий рядом на траве.

– Ты ненавидишь арабов, и у нас с ними есть счеты. И не только с ними, – спокойно сказал Рашид, выдерживая тяжелый взгляд Дагаева. – Тот египтянин, которого ты сбросил в реку в ущелье...

– Я убью тебя, мальчишка! – в ярости прохрипел Муса и ухватил парня за горло. – Какой еще египтянин?! В какую реку?!

– Спокойно, уважаемый, люди смотрят, – негромко протянул Рашид. – Не надо так нервничать. Отпусти меня, давай все обсудим.

Он улыбался, однако его глаза смотрели на Мусу холодно и остро. Дагаев, в мгновение оценив обстановку, взял себя в руки и отпустил парня. Похоже, ему не показалось в ту ночь, что камни осыпались под чьей-то ногой. Муса лихорадочно просчитывал ситуацию и не находил решения. Он не показывал виду, но был близок к панике. Его раскрыли, и надо бежать!

Но куда и, главное, от кого? Кто эти люди – ваххабит Рашид и его таинственный переговорщик? Банальные шантажисты? Или за приглашением стоит что-то более серьезное? Если сразу его не сдали, значит, Муса им нужен и паниковать пока не стоит, как не стоит и немедленно ударяться в бегство.

– Вероятно, ты охотишься за ас-Садихом? – спокойно спросил Рашид. – Ведь это он командовал людьми, которые вырезали твою семью?

«Четко просчитали! – пронеслось в голове Дагаева. – А ведь я, когда пришел в горы, заявил, что моя семья погибла во время зачистки от рук федералов. Даже если кто и знает правду, выгоднее держать меня в заблуждении».

– В одиночку тебе долго не продержаться, – негромко вел речь Рашид. – В ту ночь я оказался свидетелем твоей мести, в следующий раз вместо меня может оказаться кто-то из боевиков.

– А разве ты не боевик? Не ваххабит? – зло спросил Дагаев.

– Я правоверный мусульманин, но не убийца, – отрезал Рашид. – И здесь я для того, чтобы великий народ Чечни прекратил самоуничтожение и обрел мир.

– А почему ты думаешь, что я не сдам тебя? – хмуро спросил Муса.

– Тебе просто не поверят, – пожал плечами Рашид. – Мой путь сюда был слишком длинным и открытым, чтобы кто-то вдруг заподозрил меня в измене. Зато ты...

– А что я? – Дагаев повернул голову и уперся глазами в спокойное лицо лежащего рядом парня. – Если я откажусь сотрудничать с вами, ты меня выдашь?

– Нет, выдавать я не буду, но и прикрывать тебя для меня нет смысла, – сказал Рашид, выдерживая тяжелый взгляд Мусы. – По твоим следам уже идет Халиф. Он заподозрил, что арабы гибнут не своей смертью. Я имел с ним беседу по поводу гибели египтянина и постарался увести подозрение от тебя.

Информация была очень серьезной. Малик Мадаев по прозвищу Халиф не входил в окружение ни Басаева, ни Хаттаба. Он являлся полномочным эмиссаром Масхадова в вооруженных формированиях, участвовал в разработке операций против федеральных сил, а также выполнял контрразведывательные функции. Даже в среде боевиков Халиф отличался особой жестокостью в обращении с пленными и «отступниками», как он звал всех, кто нарушал законы шариата и не выполнял приказы командиров.

– Тебе надо хотя бы на время прекратить свои нападения на арабов, – посоветовал Дагаеву Рашид. – Если Халиф взялся за это дело...

Мусе и без советов этого паренька было ясно, что ему следует затаиться. Дагаев не оставлял следов, однако понимал, что вычислить его возможно. Если проанализировать все нападения на арабов по месту и времени, можно выйти на ограниченный круг людей, в число которых, без сомнения, попадет и он сам.

– Уходи, – после недолгого, но тяжелого раздумья хмуро бросил Рашиду Муса. – Я подумаю над тем, что ты мне сказал.

– Жду твоего решения, – улыбнулся Рашид. – Поверь, так и для тебя, и для всех нас будет лучше.

Кто такие «все», догадаться было нетрудно. А вот удивиться, как смогли федералы внедрить татарского паренька в ряды ваххабитов, стоило. Уже позже Дагаев узнал, что Рашид являлся одним из участников сложной многоходовой операции ФСБ, проводившейся силами антитеррористического подразделения, которое служащие в нем офицеры называли коротким словом «Отдел». Целью операции было внедрение в ряды боевиков своих людей с целью выявления и уничтожения руководителей чеченского сопротивления и полевых командиров.

Человеком, с которым Рашид предлагал встретиться Дагаеву, был Вадим Веклемишев, в ту пору подполковник, командир группы, работавшей в Чечне. Примерно через месяц эта встреча состоялась. Их сотрудничество продолжалось более двух лет, до тех пор, пока с Веклемишевым не произошел тот нелепый трагический случай, в результате которого он потерял память.

Полугодом раньше в бою погиб старший лейтенант Рашид Галиев.

Контакт с Мусой Дагаевым был потерян. И вот теперь прошлое напомнило о себе.

Глава 2. Двадцать второй – Двадцать третьему...

На подъезде к Раменскому полил сильный дождь. Немолодой водитель «Волги» глянул сквозь ползающие по лобовому стеклу щетки стеклоочистителя на небо и первый раз за поездку нарушил молчание:

– Погода – гадость! Как бы рейс не отложили. По сводке на ближайшие три дня дожди, сильный ветер и понижение температуры ночью до минуса.

– Да уж, ноябрь, он и есть ноябрь, – поддержал разговор Веклемишев. – Последнее дело кинуть на аэродроме в ожидании от неба погоды.

Однако их опасения оказались напрасными. Камуфлированный транспортный «Ан-12» уже стоял с прогретыми двигателями на рулежной полосе в ожидании команды на старт. «Волгу» на летное поле не пустили. На КПП Веклемишева встретил человек в синей летной форменной куртке без знаков различия. Он проверил у Вадима документы, и они вдвоем побежали под дождем к самолету. При их приближении открылся боковой люк, и техник опустил на бетон металлическую лесенку. Вадим вскарабкался по скользким ступеням и нырнул в фюзеляж самолета. Дверь за ним захлопнулась, и практически сразу «Ан-12» качнулся и двинулся к взлетной полосе.

Техник, запустивший пассажира на борт, закрыв люк, пошел вдоль стенки в хвост самолета. Похоже, с пассажирами здесь особенно не церемонились. Веклемишев осмотрелся, выглядывая местечко, куда можно было присесть. Особо выбирать не приходилось, удобствами сей аэроплан не располагал, имея в наличии лишь откидные металлические сиденья вдоль борта. По центру фюзеляжа располагался груз – в рост человека четыре пакета ящиков, принайтовленные, накрытые брезентом и сеткой вразяжку. Сидеть, уткнувшись носом и взглядом в брезент несколько часов полета было скучновато. Впереди у пилотской кабины виднелось свободное пространство, и Веклемишев направился туда. Не только он присмотрел это место, там уже находились трое пассажиров: два армейских старших лейтенанта и немолодой обрюзгший майор в серой милицмейской куртке.

Вадим поздоровался. Армейцы дружно ответили и продолжили заниматься приготовлением походного стола. Нарезанные горкой колбаса и хлеб лежали на газете, расстеленной на сиденье между ними. Один старлей вскрывал банку маринованных огурчиков, а второй трудился над консервами. Два раздвижных пластмассовых стаканчика наводили на мысль, что в качестве заправки колбасы, бычков в томате и огурцов молодые люди не станут использовать кока-колу или кофейный напиток «Утро», а остановят свой выбор на чем-то более крепком, что, наоборот, закусывается.

Майор милиции внимательно, если не подозрительно, оглядел нового пассажира и, вместо того чтобы поздороваться, ворчливо выдал:

– Это мы вас два с половиной часа ждали? – И, не дожидаясь ответа, задал ряд вопросов: – Тоже до Моздока летите? В командировку? Сильно промокли?

Возразить что-то на больше утвердительные, чем вопросительные тезисы милиционера было трудно, и Вадим, устраиваясь на сиденье, не менее лаконично выдал:

– Меня. До Моздока. В командировку. Не сильно.

Его ответы, похоже, удовлетворили майора. Он резко кинул вниз подбородок, видимо, принимая объяснения, прикрыл глаза и откинул голову, прислушиваясь к усилившемуся гулу двигателей самолета. «Ан-12», на короткое время затормозив, тронулся с места и, набирая скорость, побежал по взлетной полосе. Тряска становилась все сильнее. Но вот несильный удар колесами по бетону, еще один – и, натужно ревя моторами, транспортник взмыл в воздух.

– Ну что, Серега, с окончанием отпуска! – предложили слева от Вадима.

Он скосил глаза на соседей. Старлеи разом сдвинули уже наполненные стаканчики и дружно опрокинули их содержимое. Майор приоткрыл глаза и с осуждением посмотрел на молодежь.

– Присоединитесь? – обратился к ним чернявый, похожий на цыгана, старший лейтенант.

Вадим отрицательно покачал головой. Ему сегодня, как никогда, требовалось иметь трезвую голову. Милицейский майор сдвинул брови, по-отцовски сурово оглядел старлеев, как неразумных детей, сделал многозначительную паузу и неожиданно громко и коротко скомандовал:

– Наливай! – и, поднявшись со своего места, переместился поближе к армейцам.

Теперь уже Вадим прикрыл глаза, чтобы не отвлекаться на соседей. Ему было о чем поразмыслить. Всего лишь три месяца назад полковник Веклемишев возвратился в Россию из Парагвая, где около года работал в региональном координационном центре по борьбе с терроризмом под эгидой ООН. У него было желание продолжить службу в Отделе, однако начальство решило иначе, посчитав, что Вадим уже вырос из сотрудников, занимающихся оперативной деятельностью.

Опыт работы Веклемишева в Латинской Америке неожиданно оказался востребованным в новой, недавно созданной структуре – Национальном антитеррористическом комитете. Практически ему пришлось окунуться в то, чем он занимался в Асунсьоне, то есть налаживать взаимодействие между силовыми структурами. Разница была в том, что в парагвайском центре этот процесс отлаживался на межгосударственном уровне, а у родных осин шла работа по организации координационной деятельности на ведомственной горизонтали. Через короткое время Веклемишев понял, что войти в деловой контакт с органами безопасности сопредельного государства куда проще, чем запрячь в одну телегу отечественных «лебедя, рака и щуку» – ФСБ, МВД и МО. Волны разумного начала бессильно бились о бюрократические утесы ведомств и великие амбиции средней руки чиновников в погонах, выплескивая вкладываемую энергию в буйную пену.

Утешало лишь то, что Веклемишев только в малой степени касался именно координационной межведомственной работы. Должность Вадима в штатном расписании значилась, как «офицер по особым поручениям», и подчинялся он непосредственно директору Службы, по совместительству – руководителю Национального антитеррористического комитета. Вот только штатное расписание предполагает, а жизнь – располагает, поэтому в реальности бытия непосредственным руководителем Веклемишева являлся один из заместителей Большого Шефа в НАКе генерал-майор Ветлугин. Выходец из Службы внешней разведки, он был в курсе работы Отдела и в части, касающейся деятельности самого полковника Веклемишева. Ветлугин не стал привлекать Вадима к бумажной и аналитической работе, а определил направлением на боевые подразделения ФСБ: Отдел, «Альфу» и прочие подразделения. Веклемишев прекрасно знал основы функционирования данных структур, прошел по служебным ступенькам от младшего офицера до руководителя верхнего звена и особых проблем в координации их взаимодействия не испытывал.

Правда, пребывать в неге и спокойствии статус «особого порученца» не давал. Ветлугин привлекал Веклемишева как специалиста узкого профиля к разработке операций, требующих силового вмешательства. Три месяца службы в НАКе пролетели быстро и, в общем, рутинно, даже кабинетно, хотя скучать и не приходилось.

Сегодняшний день выдался тревожным. Вадима в начале шестого утра разбудил звонок. Дежурный сообщил, что ему необходимо срочно прибыть на службу, и машина за ним уже вышла.

Через сорок минут Веклемишев находился в кабинете у Ветлугина. Генерал-майор прибыл на несколько минут раньше Вадима и входил в курс дела. Когда Веклемишев зашел к нему, Ветлугин внимательно вчитывался в распечатку из нескольких листов, которую доставили из

Службы. Генерал прервал доклад Вадима о прибытии, указав рукой на стул у приставного столика. Минуты через три он оторвал глаза от бумаг и внимательно глянул на сидевшего перед ним полковника.

– Тебе знаком позывной Двадцать второй? Это относится к твоей последней командировке в Чечню.

– Двадцать второй – это Муса Дагаев, – не задумываясь, ответил Веклемишев, – мой информатор у боевиков.

– А ты под каким позывным с ним работал?

– Двадцать третий, – так же быстро ответил Вадим.

– Викинг, Двадцать третий – верно по всем пунктам, – задумчиво сказал Ветлугин.

– Дагаев вышел на связь? – кивнул на распечатку на столе Веклемишев.

– Можно сказать и так, – неопределенно произнес генерал, все еще погруженный в раздумье. – Все сходится...

– Что сходится? – удивленно переспросил Вадим.

– Дагаев требует тебя к себе, – доложил ему Ветлугин. – Сообщил, что у него есть сведения государственной важности и их он может раскрыть только тебе.

Оказалось, что днем раньше в три часа пополудни пограничники на высокогорной заставе в Чечне засекли группу нарушителей числом до десяти со стрелковым оружием,двигающуюся со стороны Грузии. Перевалы уже закрыло снегом, однако они сумели через них пробиться. Нарушители шли днем и совершенно открыто, что вызвало удивление у погранцов. Скоро наблюдение показало, что это не простой переход границы, а погоня.

Девять человек явно гнались за одним, оторвавшимся от них на расстояние не более полутора километров. Были слышны звуки выстрелов.

Капитан, начальник заставы, принял решение отсечь погоню.

Он доложил о нарушении границы в погранотряд и вызвал «вертушки». Завязался бой, в результате которого семеро боевиков были уничтожены, а троим, пользуясь наступившими сумерками, удалось скрыться. Беглец остался жив, но укрылся в небольшой пещере и никого к себе не подпускает. Передал пограничникам, что он Двадцать второй и требует к себе офицера ФСБ Викинга, Двадцать третьего. Сказал, что только ему сообщит сведения государственной важности.

Начальник заставы попытался сунуться в пещеру, но обнаружил, что беглец держит в обеих руках по гранате с выдернутыми чеками. А еще капитан разглядел, что Дагаев, если это он, ранен.

Начальник заставы выставил у пещеры усиленный пост и сообщил о произошедшем в погранотряд. Там оперативно среагировали на доклад капитана и передали сведения в управление ФСБ по Чеченской республике. В их банках данных кодовых позывных Двадцать второй и Двадцать третий не значилось, и сообщение ушло по команде в Службу в Москву. Позывные особой роли не сыграли, а вот по псевдониму Викинг смогли определить, что беглец требует к себе не кого иного, как полковника Веклемишева.

– Ну и что ты скажешь по этому поводу, Викинг, Двадцать третий? Действительно, Дагаев может сообщить нам, точнее – тебе, что-то важное?

– Вне всякого сомнения! – подтвердил Веклемишев. – Муса не станет попусту бросать слова на ветер. И вращался он в кругах высоких...

– Он не из рядовых боевиков? – заинтересованно спросил Ветлугин.

– Нет. Муса был финансовым помощником у нескольких полевых командиров, в том числе у Хаттаба и Басаева, – Веклемишев вкратце изложил генералу историю Дагаева.

– Если это так, значит, тебе нужно немедленно вылетать в Чечню, – принял решение Ветлугин. – Надеюсь, это не провокация. Но в любом случае рекомендую тебе соблюдать осторожность. Сколько по времени вы не контактировали с Дагаевым?

– Чуть больше четырех лет, – сообщил Вадим.

– И где он находился все эти годы? Чем занимался? – поджав губы, скептически спросил генерал. – Это следует хорошенько проверить. Я распоряжусь, чтобы Дагаева проверили по нашим каналам. Ты лично подключись к работе. Заодно и сам войдешь в курс дела и обновешь информацию по кавказскому региону. А еще, мне сердце вещует, что в этом деле, раз Дагаев пришел с грузинской стороны и человек он не простой, а приближенный к верхушке сепаратистов, ниточки могут потянуться не только в Панкисское ущелье, но и подальше – в Турцию и на Ближний Восток. Ты у нас кто по штатному расписанию – офицер по особым поручениям? Вот и настал твой черед поработать по прямому предназначению. Так что трудись с информацией, а я раскину мозгами, как тебя переправить в Чечню.

– Хочется, чтобы это случилось побыстрее. Прошло не менее двенадцати часов с момента, как Дагаев засел в пещере. Он ранен, и можно только гадать, сколько продержится, – покачал головой Веклемишев.

– Я все прекрасно понимаю, – нахмурился Ветлугин. – Шагай, занимайся своим делом, а уж я как-нибудь справлюсь с твоей отправкой.

Военному транспортнику, летевшему транзитом из Ярославля на Северный Кавказ, было отложено время вылета с аэродрома в Раменском. В Моздоке Веклемишева уже должны были встретить пограничники и своими силами доставить на горную заставу.

Генерал-майор успешно выполнил свою задачу и, пожалуй, даже чересчур быстро. У Вадима было совсем немного времени, чтобы добыть данные по Дагаеву, несмотря на то, что ему в помощь выделили троих специалистов из аналитического отдела.

Информация была более чем скудной. Муса упоминался лишь в двух донесениях, причем зарубежной резидентуры. По времени выходило, что Дагаев покинул пределы России не позже, чем через полгода после того, как он потерял связь с Викингом – Двадцать третьим. Его наблюдали в Саудовской Аравии в составе «делегации» чеченцев, прибывших на переговоры с руководителями исламских благотворительных организаций «Аль-Игаса» и «Исламский конгресс», которые финансировали мусульманских экстремистов на территории бывшего Советского Союза – от Чечни до Таджикистана. Второй эпизод с участием Дагаева был отмечен в Триполи, где также обсуждались вопросы оказания денежной помощи чеченским сепаратистам. Из полученной информации можно было лишь сделать вывод, что Дагаев продолжал заниматься финансовыми делами боевиков.

Как следствие, оставалось предположить, что Муса не достиг своей цели и не уничтожил «кровника» Абу Обад ас-Садиха.

Веклемишев решил проверить эту догадку. Серверу Службы был задан вопрос, на который он дал неожиданный ответ.

Оказалось, что ас-Садих уже трижды мертв – дважды в Чечне и единожды, около полутора лет назад, в Ираке. Официальные сообщения о неоднократных кончинах наемника-йеменца периодически появлялись как в российских, так и в мировых СМИ. Прямо не Абу Обад, а Кошей Бессмертный какой-то!

Новостью подобный финт прикрытия не являлся. Немало одиозных личностей террористического толка, почуяв близкую опасность, «умирали», ложились на дно и, когда интерес к ним со стороны спецслужб несколько угасал, вновь оживали. Правда, был еще вариант «тихий»: о гибели террориста не трубили, он просто исчезал на долгий срок из поля зрения соратников и СМИ.

Слухи о его смерти, ничем не подтвержденные, расползались, ширились, и результатом, как и в первом случае, было все то же временное забвение, необходимое для зализывания ран и восстановления нервной системы. По спискам почивших в бозе и воскресших в свое время проходили Бен Ладен и Абу Заркави, Масхадов и Басаев, Хаттаб, Магомадов, Гелаев... Поэтому три официально объявленные смерти ас-Садиха нуждались в более чем тщательной

проверке. А по большому счету, на этот вопрос лучше других мог ответить только один человек – Муса Дагаев.

Глава 3. По эстафете

Через иллюминаторы «Ан-12» за три с половиной часа полета не пробился ни единый солнечный лучик. Шли в сплошной облачности, имея за бортом грязно-серый клубящийся кисель облаков. Продовольственных и спиртных запасов отпускников – старлеев и примкнувшего к ним милицейского майора – хватило часа на полтора активного застолья, по дальности – где-то до Черноземья. Первым от компании откололся майор, верно оценивший, что ловить больше нечего. Покрепче закутавшись в куртку, он скоро задремал. Старшие лейтенанты еще немного побубнили и тоже погрузились в сон под убаюкивающий рокот самолетных двигателей.

Веклемишеву удалось чуточку подремать перед самой посадкой.

Он уже все передумал, что мог, перебрал множество вариантов, но ничего путного в голову не приходило. Почему именно его потребовал к себе Дагаев после стольких лет отсутствия? И что за архиважное хочет поведать ему Муса, что не может выдать никому другому? Правда, до разгадки тайн оставалось совсем немного – несколько часов. На том Вадим и задремал.

Он проснулся от того, что стало сильно закладывать уши.

За иллюминатором была все та же неуютная серость. Только боль в ушах, да стрелки часов подтвердили, что самолет идет на посадку. Неожиданно за стеклом облака рассыпались рваными клочьями и совсем недалеко мелькнули убегающие назад кроны деревьев за бетонным забором, огораживающим аэродром. В следующую секунду шасси «Ан-12» ударились о плиты, и транспортник, замедляя ход, побежал по взлетно-посадочной полосе.

Согласно диспозиции Ветлугина, в Моздоке Веклемишева ждал пограничный вертолет, который должен был добросить его до горной заставы. «Ми-6» действительно стоял на краю летного поля в полной готовности к полету, однако добраться на нем Вадим с сопровождающим его подполковником-пограничником смог лишь до Ханкалы. Погода точно сошла с ума. Усилился ветер, стали срываться снежные заряды, видимость ухудшалась с каждой минутой. Диспетчерская служба дала категорическое указание на немедленную посадку, несмотря на то, что вертолеты летали в Ханкалу в целях безопасности лишь ночью.

Еще в воздухе, на подлете, когда стало ясно, что на вертушке достичь заставы не удастся, подполковник связался с кем-то на земле и решил вопрос дальнейшего продвижения в горы.

Подобной оперативности оставалось только удивляться. Или за четыре года, которые Вадим отсутствовал в Чечне, произошли значительные сдвиги в плане исполнительности, или приказ из Москвы о доставке полковника Веклемишева к засевшему в пещере Дагаеву звучал слишком сурово. Вадим больше склонялся ко второму предположению.

Около получаса Веклемишев с подполковником-пограничником ожидали транспорт в протопленном кунге без колес на краю аэродрома. Кроме них, в нем находились еще двое аэродромных работников, греющихся у самодельного калорифера. Через мутное окошко и пелену мокрого снега Вадим разглядел несущийся по рулежке «УАЗ-469», получивший по наследству от своего предшественника «ГАЗ-69» гордое прозвище «козел».

Следом за «уазиком», разбрызгивая лужи и снежное месиво, поспешал БТР «восьмидесятка» с высоко поднятым стволом крупнокалиберного 14,7 мм пулемета «КПВТ». Машины затормозили у кунга.

– Кого встречать-сопровождать? – Дверь широко распахнулась, и на пороге возник молодой служивый в камуфляже, без знаков различия, каске, бронежилете, с полной выкладкой. – Такси подано, господа!

– Почему не докладываете по уставу? – нахмурил брови пограничник. – Вы из пограничного спецназа? Почему я вас не знаю? У вас какое звание, товарищ?

– Для вас, подполковник, просто капитан, – расплылся в искренней улыбке «товарищ». – Мы не местные, к политесам не приучены – по-деревенски, понимаешь, живем.

Пограничник на короткое время оторопел от подобной наглости младшего по званию. Он уже было набрал воздуха в легкие, чтобы рявкнуть на охамевшего капитана, однако не стал этого делать, видимо, рассудив, что не все так просто в этой жизни.

Но вот сомнения по поводу того «ху из ху» у него остались.

– Нас должен был встречать и сопровождать пограничный спецназ, – настороженно сказал подполковник.

– Не волнуйтесь, все нормально, – мягко тронул за локоть пограничника Вадим. – Привет, Дима!

– Здравия желаю, товарищ полковник! – немного удивленно и одновременно радостно поздоровался капитан. – Нам поступил приказ срочно доставить на заставу какого-то высокого чина из Москвы. А это, оказывается, вас надо сопровождать! Но вы же...

Он не договорил, но Веклемишев его понял. Капитан Димитр Стоянов был заместителем майора Ивана Тамбовцева, командира «отдельской» группы. Вадим прекрасно знал всех «тамбовских», готовил их перед своим отъездом в Парагвай по горной подготовке. Дима происходил из русских болгар, осевших в тридцатые годы в Советской России. Снайпер, минер и отличный рукопашник, в совершенстве владеющий тремя европейскими языками, не считая русского и болгарского, весельчак и балагур был душой любой компании. Имел два ранения, из которых одно тяжелое, контузию. Прекрасный семьянин и хороший и верный друг. В былые годы к характеристике еще можно было добавить, что товарищ Стоянов предан делу партии, да вот только нынче у нас с партиями перебор, а наиболее искренне преданные их делу все больше проходят по линии лечебницы Кащенко. В общем, в разведку с Димой Вадим пошел бы без колебаний.

– Я опять в Москве, только служу в другой организации, в Национальном антитеррористическом комитете, – ввел в курс дела Стоянова Веклемишев. – А тебя каким ветром принесло?

– НАК – это серьезно, – качнул головой Димитр и доложил уже по делу: – Нас подняли в помощь пограничникам. А еще точнее, их двинули нам на подмогу. Со мной восемь человек «зеленых» спецназовцев, их же техника. Наших трое.

– Тамбовцев? – коротко спросил Вадим.

– Ушел по маршруту. С ним четверо, – сообщил Стоянов и хлопнул себя по нагрудному карману, из которого торчал короткий штырь антенны. – Трогаемся по его команде.

– Есть вопросы по пути следования? – Веклемишев пытливо глянул на Димитра.

– Появились сегодня с утра, – расплывчато ответил Стоянов и повел глазами на подполковника и аэродромных работников, сидевших у калорифера.

– Понял, доложишь нам с подполковником в машине, – принял решение Веклемишев.

От пограничника не укрылся недвусмысленный жест Стоянова, и, судя по выражению его лица, он уже собирался обидеться, однако после слов Вадима решил этого не делать.

– Пойду гляну, кто из наших прибыл, – сказал подполковник и вышел из кунга.

– Значит, товарищ полковник, вы уже как бы и не наш, не «отдельский», – грустно констатировал Стоянов. – Такого спеца потеряли!

– Рано, Дима, на мне крест ставишь, – усмехнулся Веклемишев. – Нынче я курирую в НАКе Отдел, ну и, кроме него, кое-какие родственные силовые организации.

– Это значит, вы, Вадим Александрович, самый главный... – сказал Стоянов и изобразил хук справа.

– Что-то вроде того, – невесело вздохнул Веклемишев. – Только в кабинете и в кресле.

Почти неслышно курлыкнула трубка радиостанции в кармане у Димитра, и на ее верхней панели зажегся красный огонек. Стоянов поправил соломинку микрофона, плотнее прижал к уху гарнитуру и нажал на тангенту.

– Стоян на связи. Давай, Дрозд, соединяй... Я Вандал, слышу тебя, Дантист, прием, – негромко произнес Стоянов и, отпустив тангенту, вслушался в эфир. – Понял тебя, Дантист, сигнал Протез-десять и Костыль принял.

– Что за садист таблицу позывных и сигналов составлял? – фыркнул Вадим. – Вандал, Дантист, Протез, Костыль...

– Шеф расстарался, – довольно сообщил Стоянов. – Был неделю назад в расстройстве после... ну, в общем, с утра пораньше, и накропал, соответственно. Зато в прошлом месяце у нас позывные были какие веселые: Карлсон, Зайка, Кощей. И сигналы: «Маша-мячик», «Колобок», «Самобранка».

– Весело тут у вас, – покачал головой Веклемишев.

– Да уж куда веселее, – поморщился Димитр. – Аж слезы от смеха выступают, вытирать не успеваем. Второй год веселухи пошел в этих благодатных краях.

– Ладно, утри, деточка, слезки, а то я тоже расплачусь. Протез-десять и Костыль – сигналы на марш? Я правильно понял? – спросил его Вадим.

– Так точно, товарищ полковник, – бодро доложил Стоянов. – Тамбовцев сообщает, что прошел порядка десяти километров по маршруту. Пока все спокойно, нам можно выдвигаться.

– Значит, будем выдвигаться, – согласился Веклемишев. – Вперед и с песнями!

– Только на минутку завернем в наше расположение, – деловито сказал Димитр.

– А нужно? – спросил Веклемишев. – Время потеряем.

– Когда сообщили, что мы московского штафирку сопровождать будем, запасся бронежилетом. А тут вы, товарищ полковник. Обстановка на маршруте тревожная, думаю, лишний ствол нам не помешает, – скромно высказал предположение Стоянов и хитро прищурился: – Оружие давно в руках держали, Вадим Александрович?

– А ты, капитанюга, сомневаешься, отличу я ухват от «АКСУ»? А если и отличу, найду на нем спусковой крючок? – сварливо произнес Вадим. – Шутники вы тут, доберусь я до вас, сам пошуткую... Ладно, двигаем в расположение. И не только ствол готовь, но и все остальное по полной программе, радиостанцию в том числе.

Экипировка много времени не заняла. Нашелся маскировочный костюм, который Веклемишев натянул поверх своей одежды. Тяжелый бронежилет, предназначенный Стояновым для московского «штафирки», заменили на легкий. Каска и разгрузочный жилет завершили экипировку. В карманах «разгрузки» помимо боекомплекта уместились кое-какие полезные вещицы, захваченные Веклемишевым из Москвы. Из оружия Вадим выбрал штурмовой автомат «бизон» с круглым магазином на 64 патрона и подствольником-гранатометом, а также пистолет ПСС. Не забыли и про сопровождающего подполковника. В дополнение к его штатному «макарову» Димитр выделил пограничнику «АКМ» из трофейных и броник, который готовили для московского гостя.

Переодевание заняло не более двадцати минут. За это время от Тамбовцева пришел сигнал «Протез восемнадцать», что означало, что маршрут на глубину восемнадцати километров проверен и безопасен.

– Какой общий километраж от Ханкалы до заставы? – спросил Вадим у Стоянова, глядя на тяжелое, затянутое свинцовыми облаками небо.

– Поболее ста будет, – на глазок прикинул Димитр.

– До темноты сможем добраться до места? – с тревогой поинтересовался Веклемишев.

– Сомневаюсь, – покачал головой Стоянов. – Как минимум, часа четыре будем идти. Половину дороги проскочим быстро, по асфальту, а в горах придется ползти по-черепаши, чтобы в обрыв не уйти – все проселки развезло.

– Хреново! – хмуро подытожил Веклемишев. – Выдержит ли Муса? Считай, сутки уже кончаются, а нам еще пилить и пилить.

– В курс дела не введете, товарищ полковник? – осторожно поинтересовался Стоянов. – Или это...

– Или это! Но тебе можно, – весело сказал Вадим и коротко обрисовал ситуацию: – Вчера пограничники отбили у боевиков человека, за которым те гнались с грузинской стороны. Беглецом оказался мой бывший информатор. Он засел в пещере и требует меня лично, чтобы сообщить сведения государственной важности. Хотя и ранен, никого к себе не подпускает, держит в обеих руках гранаты с выдернутыми чеками. Потому и спешка такая.

– Серьезный мужик, этот Муса, – уважительно сказал Стоянов.

– Тогда точно надо торопиться. Ну что, по машинам?

– Погнали! – бодро распорядился Веклемишев. – По дороге расскажешь, что там случилось по маршруту следования сегодня с утра, на что ты намекал. И подумаем, связано ли это с тем, о чем я тебе рассказал.

Оказалось, что группе Тамбовцева уже с утра была поставлена задача быть в готовности сопровождать «штафирку». Ветлугин предусмотрительно приказал проработать варианты «пеший по-конному» в связи с невозможностью добраться до заставы по воздуху из-за плохой погоды или каких-либо иных сложностей.

«Тамбовцам» пришел приказ находиться в полной готовности к конвоированию московского представителя от Ханкалы до погранзаставы на машинах. Надо думать, и в Моздоке, если бы вертолет не поднялся, кто-то готовился по эстафете доставить Веклемишева в Ханкалу.

Органами ФСБ по Чеченской республике и непосредственно группой Тамбовцева были приняты все возможные меры по пробивке маршрута, подняты информаторы, как официальные, так и неофициальные. Данные об обстановке пришли не сказать что неутешительные, но тревожные. С раннего утра население двух последних селений по пути следования их конвоя на погранзаставу, в основном женщины и дети, вышло на дорогу и перекрыло ее, не пропуская транспорт, которого в тех районах не то чтобы избыток, а совсем наоборот – по пальцам пересчитать можно. Потому и акция местных жителей, требующих найти и выдать им каких-то земляков, якобы пропавших после зачисток в застенках федералов, смотрелась очень даже искусственной, явно спровоцированной. Не составило труда проверить, что серьезные зачистки в данных аулах проводились больше года назад, причем никого из жителей сих селений во время тех операций не арестовывали.

Перекрывшие дорогу жители были настроены очень решительно.

Местные свои машины поставили на прикол, чтобы не попасть под общую раздачу. «Волгу» заместителя главы администрации района, приехавшего разбираться в конфликте, не тронули, хотя самого чиновника маленько помяли. А вот пограничный «ГАЗ-66», везущий со склада продовольствие на заставу, едва не спустили с обрыва.

Но, самое интересное, прапорщика из продслужбы и сержанта-водителя потрепали изрядно, явно с единственной целью – проверить документы. Когда документально подтвердилось, что служивые действительно пограничники, да и сами местные признали, что не раз их видели проезжающими мимо, отпустили с миром, правда, перед тем вывернув машину наизнанку в поисках чего-то или кого-то.

Глава 4. Сомнения и старлей Гриша

«УАЗ-469» двигался по мокрому шоссе. Позади него шел БТР сопровождения. Снег прекратился, но дождь еще моросил.

Не растаявшая серая снежная каша, покрывающая тонким слоем асфальтовое покрытие, стелилась под колеса с глухим и очень неприятным, похожим на непрерывное сморкание шумом. Хотя через щели сквозило, в машине было относительно тепло – печка работала на полные обороты.

– Так, говоришь, манифестация населения началась стихийно и именно сегодня утром? – задумчиво спросил Веклемишев, глядя в боковое окно машины.

– Насчет стихийности у меня лично, да и не только у меня, большие сомнения, – осторожно ответил Стоянов. – Я бы предпочел определение «неожиданно». Стихийность, как правило, подразумевает неорганизованность. А в нашем случае сильно пахнет чьим-то указующим перстом. Не было ни малейших предпосылок, ни информации о готовящейся акции. Будто по команде сработали.

– В котором часу люди перекрыли дорогу?

– Примерно в половине девятого, – доложил Стоянов.

– Ночью в том районе не происходило никаких эксцессов?

– Около двадцати двух часов произошла попытка проникновения на заставу, – подал голос подполковник-пограничник. – Численность отряда определить не удалось, но явно боевиков было немного. Нарвались на сигнальные мины, попали под перекрестный огонь и отошли. С вечера из отряда на заставу пришло серьезное усиление, поэтому отпор даже крупной группе нарушителей наши люди могли дать без вопросов.

– Нападение было на саму заставу или на пещеру, где укрылся беглец? – переспросил Веклемишев.

– Боевики пытались пробиться через секреты, расположенные на подступах к заставе, – доложил подполковник.

– Пещера, где засел беглец, на каком удалении от постов пограничников?

– Примерно в полутора километрах, – сообщил пограничник.

– Днем к пещере боевикам не подобраться, подступы хорошо просматриваются и простреливаются стрелковым оружием и минометами.

– Я думал, что дело хреновое, а оно, похоже, – очень хреновое, – после раздумий подытожил полученную информацию Веклемишев. – Серьезный клубочек запутывается вокруг Дагаева. Кто-то очень сильно не желает, чтобы мы узнали, что он нам хочет сообщить. Возможно, я ошибаюсь, но общую картину произошедшего можно нарисовать примерно так: пограничники отсекли Дагаева от боевиков, положили четверых, трое ушли. Видимо, эта троица, не зная, что преследуемый укрылся в пещере, вечером предприняла попытку проникнуть на заставу, чтобы попытаться отбить его, но получила отпор и скрылась в горах. Без сомнения, о подробностях неудачного преследования было доложено старшим командирам на той стороне Кавказа. Ночь прошла спокойно, так как о Дагаеве у боевиков не было никакой информации, как и сил, чтобы напасть на заставу. А вот к утру, даю голову на отсечение, такие сведения появились. Естественно, быстро сгруппироваться, чтобы отбить Мусу у пограничников, времени у боевиков было очень мало, а вот помешать с ним встретиться московскому гостю, то есть мне, возможность нашли. До утра пометались, не ведая о реальном положении дел, а потом подняли по отработанному варианту местное население на манифестацию, перекрыв движение по единственной дороге.

– А как у них могла появиться информация о вашем прибытии? – кинул косой взгляд на Вадима сидевший рядом Стоянов. – Об этом знали только мы и пограничники.

– Вероятнее всего, где-то произошла утечка информации, – поморщился Веклемишев. – Похоже, сведения, которые хочет мне сообщить Дагаев, настолько серьезные, что сепаратистами были подняты все возможные связи на любых уровнях, в том числе и московском, и задействованы «кроты» – рабочие и законсервированные. Это мои предположения, но, думаю, следует исходить из самого поганого хода развития событий.

– Вот ведь с-суки! – выразил общее мнение Димитр.

– Из всего этого можно сделать вывод, что боевиками будут приняты все меры, чтобы не дать мне встретиться с Мусой и благополучно вернуться в Москву.

– Оптимистический прогноз, товарищ полковник, – хмыкнул Стоянов. – Можно сказать, жизнеутверждающий.

– Верно мыслите, товарищ, – согласился с ним Веклемишев.

– И то, что к нам еще не проявлено достаточного внимания, означает, что не все ходы эти ребята прослеживают. Да и погода помогает, не дает действовать по накатанному, сбивает со следа. Но, думаю, неприятности, причем крупные, – дело ближайших часов, если не минут. И сейчас нужно хорошенько поразмыслить, как сделать так, чтобы мое брненное тело в гармоничном единении с бессмертной душой, но никак не раздельно, смогло достичь пещеры, где засел Дагаев, и не менее благополучно покинуть эти благодатные и ласковые края. Возражений, надеюсь, нет?

В машине установилась тишина, если не считать гудения двигателя и чавканья мокрого снега под скатами «уазика».

– Есть возможность добраться до заставы окружным путем в обход взбунтовавшихся аулов? – после недолгой паузы спросил Веклемишев у Стоянова. – Я имею в виду не только движение на машине, но и пеший переход.

– Честно говоря, тот район мы не слишком хорошо изучили, – доложил Димитр. – Это вотчина пограничников, и там работает их спецназ.

– Можно обойти, – вмешался в разговор молчавший до этого подполковник. – Есть там одна очень хитрая тропка. Верно, Гриша!

Гришей он назвал чернявого старшего лейтенанта, командира группы пограничного спецназа. Ввиду тесноты из-за полной экипировки пассажиров тот устроился на боковой приставной скамейке за спинами Стоянова и Веклемишева, занявшими заднее кресло «УАЗа». На переднем сиденье, рядом с водителем, сидел подполковник.

– Заставу на плато мы поставили три года назад, – сообщил пограничник. – Я сам лично этим делом занимался. И сразу же столкнулись с нарушениями границы, причем и боевиками, и контрабандистами. Они двигались из Грузии и, не доходя заставы, уходили по ущелью влево, через каменные осыпи. На карте тропа не обозначена, визуальную ее тоже мы не смогли обнаружить. Пробовали искать проходы в завалах, так сразу не нашли, пришлось использовать собаку. Только с ее помощью сумели пройти по тропе. Она поднимается на плато, проходит буквально в семистах метрах от заставы и далее идет в обход как раз тех двух аулов, где народ перекрыл дорогу. Вход на тропу со стороны ущелья мы завалили с помощью взрывчатки и в нескольких местах поставили мины-ловушки. Как раз Гриша этим и занимался. Трижды мины сработали, уж не знаю на ком – на боевиках или контрабандистах, и только после этого тропой перестали пользоваться. Гриша, доставай карту.

Как и предполагалось, на топографической карте, исполненной по заказу Генштаба СА в 1969 году и обновленной съемкой 1978 года, упомянутая подполковником контрабандная тропка нанесена не была. Карандаш усилиями обоих пограничников нарисовал извилистую линию по крутому склону ущелья длиной километров поболее пятнадцати. Если учесть горные условия и близкие сумерки, их следовало приравнять к равнинным верстам в количестве эдак двадцати пяти. Попасть на тропу можно было у излучины горной речки в трех километрах от первого по маршруту мятежного аула-юрта.

– Товарищ полковник, вы решили идти в обход селений? – спросил у Вадима подполковник.

– Ничего я не решил, – дернул плечами Веклемишев. – Просто отрабатываю варианты. Может, эта тропка нам и не понадобится. Спустиятся сумерки, народ по домам разойдется, дорога освободится...

– Разойдутся тучи, прилетит волшебник в голубом вертолете и бесплатно добросит до заставы, – тихо речитативом пропел Стоянов.

– Капитан! Накажу за крайнее легкомыслие и беспечность при выполнении ответственного задания, – строго буркнул Вадим, изучая карту. – От Дантиста ничего нет?

– Пока молчит, – покосился на радиостанцию Димитр. – Последний сигнал прошел «Протез 40».

– Тьфу! С вашими протезами, твою... И без того настроение никудашное, – в сердцах выругался Вадим и замолчал, понимая, что дело не в сигналах, а в нехорошем предчувствии.

Разговоры в машине прекратились. Двигатель ровно гудел, словно убаюкивая пассажиров. Веклемишев выдал Стоянову чистую правду о том, что он ничего еще не решил. Более того, все его опасения могли оказаться не более чем фантазиями. И люди в аулах вышли на дорогу вовсе не для того, чтобы задержать московского посланца, и не было никакой утечки информации, и боевики не собираются устраивать на него охоту... Однако на сердце было тревожно от ожиданий, да и опыт подсказывал, что расслабляться не стоит.

– Мы можем связаться с заставой? – обратился Веклемишев к подполковнику.

– Радиостанция на БТРе настроена на дежурную частоту. Я перед выездом дал команду настроиться и стоять в режиме ожидания, – доложил ему пограничник. – Нужна связь?

– Необходимо запросить заставу об обстановке и состоянии Дагаева. Это первое. Второе: с наступлением сумерек пограничникам быть готовыми к отражению нападения и именно на пещеру с беглецом. Пусть выставят дополнительные посты и находятся в готовности к бою. Серьезному бою...

Подполковник с удивлением взглянул на Веклемишева. Тот понял его немой вопрос.

– По оперативным данным, сколько боевиков сейчас скрывается на территории Чечни и Ингушетии? – спросил Вадим и сам же и ответил: – До пятисот человек, из которых более половины подчиняются непосредственно панкисскому руководству. Если исходить из худшего развития событий, боевики за день разобрались в обстановке, подтянулись и готовятся напасть на заставу с целью уничтожения Дагаева. Даже если на соединение придет третья, пусть даже пятая часть разрозненных отрядов бандитов, пограничникам придется ох как несладко. Так что делаем короткую остановку и связываемся с заставой.

Сведения о численном составе боевиков Вадиму предоставили в Москве, в рамках изучения обстановки в Чечне и вокруг нее. Вероятно, подполковник также был в курсе этих цифр, однако, по его реакции Веклемишев понял, что пограничник не верит в подобное развитие событий. Возражать, правда, тот не стал.

«Уазик» замедлил ход и, прижавшись к обочине, остановился. Сзади на него накатил БТР, едва не упершись носом в брезентовую крышу. Подполковник со старшим лейтенантом Гришей выбрались из машины и направились к бронетранспортеру. Водитель сержант-контрактник также вышел и, подняв капот, стал возиться с двигателем.

– Что это за старлей Гриша? На него можно положиться? – спросил Веклемишев у Димитра, когда они остались одни. – Он не из местных? Вид явно не славянский.

– Полагайтесь как на самого себя, – твердо сказал Димитр и, ухмыльнувшись, добавил: – Или как на меня.

– Откуда такая уверенность?

– Григол Абашидзе, из питерских грузин, кажется, даже княжеских кровей. Семья творческих интеллигентов в каком-то там поколении. Дедушка – скульптор-академик, папа – заслу-

женный художник-лауреат и лучший друг Церетели, мама – известный литературный критик. Судьба Гриши была предрешена, еще когда он находился в материнской утробе: художественная школа, училище, художественный институт, лауреат разных премий, академик... Кстати, рисует он классно. Второй вариант будущей счастливой жизни Григола, мамин: филфак университета, литературное творчество, знаменитый поэт, писатель, драматург – нужно подчеркнуть. Гриша выбрал третий путь. Случайно после занятий в школе изобразительных искусств зашел за товарищем, который занимался в секции дзюдо, кстати, в той, где в свое время оттачивал спортивное мастерство скромный питерский мальчик Володя Путин...

В общем, увлекся Григол дзюдо и рукопашным боем. Родители отнеслись к занятиям сына спортом, в общем-то, положительно с точки зрения укрепления его здоровья. Через два года, когда Гриша выиграл первенство России по дзюдо среди юниоров, забеспокоилась мама. Мол, до окончания школы остался годик, со спортом пора завязывать и готовиться к выпускным экзаменам и поступлению в вуз. Потом папе-лауреату на ушко шепнули, что Григол злостно прогуливает занятия в художественной школе. Папа строго постучал пальцем по этюднику, и сын дал клятву, что подобного безобразия не повторится. Скандал разразился после выпускного бала. Гриша, к тому времени уже серебряный призер чемпионата Европы по дзюдо, поверг деда-академика в предынфарктное состояние, маму – в положение жены Лота с нюхательной солью в одном кулачке и мокрым платком в другом. Папа же, лауреат, вспомнил, что в его венах течет горячая грузинская кровь, и, сжав до боли в пальцах кинжал, вернее – кисточки, произнес что-то очень грозное, тарасобульбовское, с вкраплениями ненормативной лексики, которой мог бы позавидовать боцман с китобойного судна. Так как мама-литкритик никогда подобного от своего супруга не слышала, с ней случилась затяжная истерика. И все это – следствие заявления Григола, что он не собирается поступать ни в художественное училище, ни на филфак, а пойдет учиться в институт физкультуры имени Лесгафта и посвятит свою жизнь спорту.

– Да уж! – протянул Веклемишев. – Трагедия, достойная пера Шекспира.

– Уговоры, скандалы и мамины обмороки выбора Гриши не изменили. Тогда пошла в ход артиллерия главного калибра, то есть связи дедушки и папы. Руководству института физкультуры более высокое руководство дало понять, что абитуриент Абашидзе, хотя он и является мастером спорта международного класса, не должен стать студентом данного учебного заведения. По просьбе же дедушки-академика продлили сроки поступления в художественное училище, чтобы после неудачной попытки в «Лесгафте» мальчик Григол мог подать документы и свои работы, пройти творческий конкурс и сдать вступительные экзамены. Так как в Грише тоже кровь текла не финская, то после того, как его завалили в институте физкультуры и он понял, чьих рук это дело, отверг все уговоры и попытки родных затолкать его в художественное училище и пошел работать на стройку каменщиком. А весной его призвали в армию. Григол гордо отверг попытки родителей «откосить» его от службы. Попал в пограничные войска, в учебку. В 2001 году, когда в Чечне обстановка стала стабилизироваться, начали ставить заставы на границе с Грузией. На одну из них, высокогорную, ближе к Северной Осетии, Гриша и попал, – Стоянов махнул рукой в правое стекло «уазика» и замолчал. – В общем, через полтора месяца заставу вырезали боевики, – после паузы продолжил Димитр. – В живых чудом остались двое – старший сержант Абашидзе и еще один парнишка, рядовой.

– Я в то время был в Чечне, – перебил Димитра Веклемишев, – и помню эту историю. Подвергшаяся нападению застава находилась в зоне ответственности моей группы. Мы тогда преследовали боевиков и уничтожили их на границе с Ингушетией. Рассказывали, что бой на заставе был отчаянный, на каждого погибшего пограничника пришлось по три убитых бандита.

– Григол был ранен, награжден орденом Суворова. После выздоровления заключил контракт и пошел на курсы младших лейтенантов. Окончил учебу, вернулся в Чечню и написал рапорт с просьбой зачислить его в пограничный спецназ. Толковый специалист, даже по нашим

меркам. Два звания досрочно, еще один орден за боевые операции, представление к званию Героя России и личный счет, который уже сегодня перевалил за полтора ста.

– Какой счет? – удивился Вадим. – В банке, что ли?

– На прикладе, – уточнил Стоянов. – Гриша дал клятву за погибших товарищей лично уничтожить двести боевиков. И после этого окончить службу и поступить в художественное училище. Отчаянный парень!

– А у тебя откуда о Григоле такие подробности?

– Земля слухом полнится, ну и... – Стоянов попытался изобразить стеснение, – после совместной операции...

– Состоялось совместное празднование успешного окончания оной, – догадался Веклемишев. – Шампань, устрицы и тихие светские беседы.

– Как вы догадались, Вадим Александрович? – восхитился Димитр. – Все происходило в точности, как вы и сказали: спирт, тушенка и песняк про то, как в наш танк ударила болванка и вот-вот рванет боекомплект. Разомлели малость, Гриша и поведал нам про свою удалую юность.

– Все понятно, значит, парень стоящий, – подвел итог Веклемишев. – С тобой сейчас кто из «отдельских»? Митяя я видел...

– Дрозд и Данила-мастер, – доложил Стоянов.

Митяй, он и в реальности был прапорщиком Митяем, а Дрозд и Данила-мастер были, соответственно, старшими лейтенантами Исаевым и Алемасовым.

– По-нят-но, – раздумывая, медленно, по слогам произнес Вадим. – Значит, так, Даниле и Митяю быть в готовности к пешему маршу. Про экипировку и вооружение не напоминаю...

– Обижаете! – возмутился Димитр.

– Радиостанцию иметь с собой обязательно, – закончил Веклемишев.

– Хотите добраться до заставы той тропкой, – кивнул на разложенную на коленях Вадима карту Стоянов.

– Совершенно не желаю, но сердце вещует, что придется, – поморщился Веклемишев. – А возможно, и не пойдем мы туда. Хотя... посмотрим, прикинем. И еще пара наблюдений из жизни пернатых. Смотри, Дима, на карту и слушай внимательно...

Глава 5. Проверка на дороге

Подполковник со старлеем Гришей вернулись от БТРа, и колонна двинулась дальше. Пограничники доложили, что Дагаев жив, но очень слаб, едва дышит, однако гранаты из рук не выпускает.

Муса так и не дал себя перевязать. От пищи отказался, но воды все же выпил несколько глотков. Это он позволил себе сделать, когда ему сообщили, что Викинг уже в Чечне и передает ему привет, а еще просит напомнить два числа: восемнадцать и пять.

Это был нехитрый цифровой код, ключ к которому имелся лишь у Дагаева и Веклемишева. Выбиралось число, как правило двузначное, в данном случае им являлся позывной Викинга – Двадцать три. А дальше все было очень просто. Для того чтобы идентифицировать партнера или определить, что сообщение идет именно от него, достаточно было партнеру назвать два числа, которые в сумме или в разности составляли искомую ключевую цифру. Один называл пароль – произвольно выбранное число, другой – нехитрым арифметическим действием определял второе и давал отзыв. Естественно, в данном случае Вадим мог лишь напомнить об этом коде, чтобы Дагаев понял, что его не обманывают. Вместо восемнадцати и пяти Веклемишев мог передать Мусе любые другие числа, например, тринадцать и десять или тридцать и семь...

Коды и шифры, чем они проще, тем, часто бывает, сложнее их разгадывать. И именно потому, что они элементарные, в это никто не верит. В истории есть немало примеров, когда применялись подобные методы. Во время Великой Отечественной войны в разгар Курской битвы для оперативной координации действий двух соседних армий был применен оригинальный метод открытой передачи данных. Командармы держали связь через двух земляков-мордвин, владеющих сохранившейся только в их районе разновидностью языка народности эрзя. Дешифровальщики с немецкой стороны едва с ума не сошли, пытаясь открыть тайну шифрованных переговоров, но так как родом они были не из-под Ардатова или Рузаевки, а, возможно, из Нижней Саксонии или земли Рейнланд-Пфальц, справиться с этой архисложной задачей так и не сумели.

«УАЗ» с сопровождающим его бронетранспортером шел на хорошей скорости. Веклемишев дал команду сократить разрыв между их тандемом и арьергардом в лице Тамбовцева и его ребят, проводящих разведку маршрута. Они оторвались более чем на двадцать километров и уже подходили к первому мятежному аулу-юрту. Сейчас Тамбовцев на «Урале» полз с черепашей скоростью, ожидая колонну. И без того пасмурный день таял с каждым пройденным километром. Сумерки, наполненные туманом и холодной моросью, скатывались навстречу спешащим машинам с уже совсем близких гор.

Если в начале марша Вадим восстанавливал в памяти и дорогу, и окружающую местность по пути следования, которые подзабыл за четыре года отсутствия в Чечне, то сейчас фары, разрывая густой полумрак, выхватывали из темноты лишь грязные обочины и редкие огоньки вдалеке.

– Я Сфинкс. Всем внимание! Готовность к бою, – громко и неожиданно прозвучал из-за спины голос старлея Гриши-Григола, передавшего на БТР команду по уки-токи, висевшему у него на плече.

Веклемишев понял, что они приближаются к блокпосту, который чем-то не понравился Тамбовцеву. Он особо не вдавался в подробности, лишь только передал по радиации, что машину останавливали, проверяли, отпустили с миром, однако действия постовых ему не пришлись по душе, как и их физиономии. В связи с тем, что помимо фейс-контроля большей свободы действий Ваня Тамбовцев себе позволить не мог, так как явной угрозы в действиях людей на посту не проявлялось и следовало спешить по маршруту, то он ограничился лишь предупреждением.

Тусклые фонари на столбах вдоль дороги подтвердили, что они подъезжают к посту. Фары «УАЗа» вырвали из темноты бетонные блоки на дороге, которые можно было объехать лишь «змейкой», и группу бойцов в сером камуфляже у шлагбаума за блоками. Один из них поднял руку и показал жестом, чтобы машины подъезжали по одной.

– Командуйте, подполковник, – тихо сказал Веклемишев и оглянулся.

Он едва не уткнулся лбом в дульный компенсатор «АКСУ», который Григол направил в лобовое стекло. Вадим кашлянул, и дуло автомата переместилось на несколько сантиметров в сторону, поближе к голове Димитра. «Бизон» Стоянова лежал у него на коленях, однако Веклемишев уловил движение пальца Димитра, медленно отводящего скобу предохранителя. Можно было с удовлетворением отметить, что его спутники не нуждаются в дополнительных указаниях. А оглядывался Вадим на БТР, чтобы поймать перемещение ствола пушки, который почти незаметно шатнулся, поплыл и остановился как раз на кучке бойцов у шлагбаума. А вон из-за башни и ствол автомата выглядывает. Ну что же, народ знает свой маневр.

«УАЗ» медленно проехал между блоками и остановился, едва не уткнувшись радиатором в разрисованную красно-белую трубу шлагбаума. Веклемишев скользнул взглядом по лицам людей, их встречающих. Направленные в сторону «уазика» «калашниковы» двух постовых настроения не поднимали, но и особого опасения не вызывали. Пока... Все ведут себя спокойно, не дергаются, излишне не напряжены. Лица троих явно славянского типа.

Еще один, правда чернявый, уж очень местного типажа, и камуфляж его отличается от остальных. А вот еще такой же появился... Но и эти парни не проявляют особых признаков нервозности, хотя любознательность на их физиономиях явно прослеживается.

Славяне прореагировали на появление машин как-то обыденно: не то что с ленцой, в общем, даже слаженно, но было заметно, что дело это для них обычное, рутинное. Тот, который давал команду, чтобы машины подъезжали поодиночке, скользнул взглядом по номеру «УАЗа» и подошел к машине. Подполковник-пограничник открыл дверцу.

– Капитан Прудников, – представился проверяющий. – Ваши документы, цель поездки.

– Цель служебная, следуем на усиление заставы, – сообщил подполковник, протягивая ему свое удостоверение и путевой лист на машину, который ему передал водитель. – БТР с людьми с нами.

Капитан привычно перелистнул удостоверение, поднял глаза на подполковника, сверяя оригинал с фотографией, не менее внимательно просмотрел путевой лист и отдал пограничнику документы.

– С каких краев, земля? – весело спросил у него Стоянов.

– Кемеровский ОМОН, – сухо сообщил капитан.

– А у вас разве командировка не закончилась? – удивился Димитр. – Подполковник ваш говорил, что в ноябре вы уже дома будете.

– Ноябрь длинный, – вздохнул капитан. – Со дня на день ждем замену. А вы что, с шефом где-то пересекались?

– Они с нашим командиром однокашники. Заезжал как-то в гости. А ты тоже кемеровский, парень? – спросил Димитр у служивого, стоявшего за спиной капитана и внимательно вслушивающегося в разговор.

Это был один из двоих, облик которых не вписывался в среднеславянский тип остальных постовых. Он внимательно шарил глазами по салону машины и лицам пассажиров. И чаще всего его взгляд останавливался на Веклемишewe. И Вадим мог понять, почему к нему проявляется такое внимание. Несмотря на то, что на нем был надет маскировочный костюм и экипировка в целом соответствовала снаряжению остальных, из-под камуфляжа выглядывала гражданская одежда, не являющаяся обычным утеплением. Да и по возрасту он был постарше всех остальных.

Чернявый промолчал, игнорируя вопрос, а только, еще раз оглядев находящихся в салоне, отошел от машины к остальным, а потом и вовсе скрылся в темноте. Второй, чуть помедлив, отправился следом за ним.

– Нам на усиление прислали сегодня утром, – оглянувшись через плечо, пренебрежительно сказал капитан. – Вроде из батальона «Восток», а там кто его знает. Может, местная служба безопасности кого-то ищет... В горах, говорят, беспокойно. Вообще-то мы полгода без них справлялись и со спокойными, и с беспокойными. Ну да ладно, Аллах с ними, господь с нами! В БТРе ваши люди? Тогда все в порядке, задерживать зря не будем. Счастливого пути!

«УАЗ» отъехал от блокпоста и остановился на обочине, ожидая бронетранспортер. Фонари, освещавшие дорогу, остались позади.

– Дима! Сбегай, на звезды погляди и птичек послушай, – бросил Веклемишев Стоянову. – Особенно двух соловушек из местных. Сдается мне, что «восточники» эти как бы не по нашу душу здесь трутся. Не зря Тамбовцеву они также не понравились. Мы отъедем чуточку и подождем тебя. Сержант, выключи на секунду фары.

– Задачу понял, товарищ полковник, – бодро доложил Димитр, открыл дверцу и беззвучно скрылся в уже плотных сумерках.

Веклемишев посмотрел на наручные часы, светившиеся в темноте фосфоресцирующими стрелками. Они показывали без нескольких минут семнадцать часов. Время летело быстро.

«Выдержит ли Муса? – в очередной раз мелькнула тревожная мысль. – Почему он не дает себя даже перевязать? Код же он принял...»

Свет от фар приближающегося БТРа заплескал на шоссе.

– Вперед! – коротко бросил Веклемишев водителю. – Но не торопись.

По его команде «УАЗ» и бронетранспортер остановились метрах в семистах от блокпоста, заглушили двигатели и выключили фары. Ожидание было недолгим. Через семнадцать минут, Вадим засек время по часам, дверка кабины отворилась и на сиденье плюхнулся Стоянов. Странно, но он выглядел запыхавшимся после короткого марш-броска от поста. У Веклемишева даже мелькнула мысль, что «тамбовцы» за время командировки в Чечне расслабились и потеряли физическую форму.

– Ну что? – нетерпеливо спросил у него Вадим.

– Бабушка приехала! – весело сообщил ему Димитр.

– Какая бабушка? – нахмурился Веклемишев. – Что за шутки?

– Это кодовая фраза из богомоловского «Момент истины», – сделал глубокий выдох Стоянов, приводя в порядок дыхание. – Когда взяли группу и подтвердилось, что это те диверсанты, которых «смершевы» ищут, слова про бабушку передали в эфир.

– Докладывай по существу, любитель боевиков, – сердито сказал Веклемишев, – времени у нас нет на «моменты», а вот с истиной точно проблемы.

– Есть по существу! – бодро отрапортовал Стоянов. – Согласно вашему приказанию провел наблюдение за звездами и прослушал пение птиц. Со звездами все нормально, а вот птицы поют совсем не для нас, а для какого-то чужого и нехорошего дяди.

– Конкретнее! – нетерпеливо бросил Веклемишев. – И без романтических отступлений.

– Методом подползания я приблизился к посту и почти сразу обнаружил двух искомых субъектов. Один из них разговаривал по мобильнику. Он докладывал, что через пост прошла колонна в составе «УАЗа» и бронетранспортера. В легковой находились трое пограничников – стало быть, меня они тоже в «зеленые» записали – и еще один человек важного вида. Это, надо думать, вы, товарищ полковник. И еще парень дал по телефону примерное описание вашей внешности.

– На каком языке велся разговор? – перебил Стоянова Вадим.

– На чеченском, – доложил Димитр. – Тон спокойный, без напряжения, но явно на том конце провода, вернее эфира, человек рангом повыше этого барана.

– Ну почему же сразу – барана? – задумчиво произнес Веклемишев. – Он дело свое делал. Эх, узнать бы, кому он докладывал.

– Нет проблем! – пожал плечами Стоянов. – Вон он на обочине отдыхает стреноженный. А вы говорите не баран...

В машине установилась напряженная тишина. Веклемишев понял, почему Димитр так запыхался на коротком марш-броске. Тащить на себе плененного «восточника» в полной экипировке было нелегко.

– Зачем ты его сюда приволок? – спросил изумленный Вадим. – А если хватятся? Организуют погоню?

– Я так думаю, товарищ полковник, никакой погони не будет. После телефонного разговора этот парень сказал напарнику, что пойдет прогуляется до ветру. Быстро его не хватятся, а когда забеспокоятся, то уж на нас исчезновение этого балбеса никак не повесят. Мы уехали задолго до того, как он испарился. Да и кемеровским омовцам он до фени. Кстати, вот и телефончик его – можно будет пробить номерок, по которому он звонил.

Ругать Стоянова за проявленную инициативу было по крайней мере неразумно. Но и от похвалы Веклемишев воздержался.

Димитр выполнил порученное задание, и сделал это вполне профессионально. Как учили! И его доводы были разумны, и потому возражать не приходилось. Тем более что дело уже сделано.

– Пошли побеседуем, – коротко сказал Веклемишев. – Кстати, товарищ подполковник, как вас зовут? А то все по-уставному, нет душевного контакта...

– Игорь Иванович, – сообщил тот.

– А меня Вадимом Александровичем кличут, – скромно доложил Веклемишев. – Я вас попрошу, пока мы беседуем с нашим гостем, свяжитесь еще раз с заставой, уточните состояние Дагаева.

– Разрешите я с вами, – подал голос со своей скамейки старлей Гриша. – Послушаю, что скажет наш гость.

– Конечно, – согласился Вадим. – Кстати, как у вас, Григол, с чеченским языком?

– Без проблем, – пожал плечами Абашидзе. – Разговариваю, только не пишу.

– Да мы все здесь не письменные, – усмехнулся Веклемишев.

– Больше по разговорной части, чего и искренне пожелаем нашему пленнику.

Глава 6. Вопросы есть? И очень много...

Освещенный тремя карманными фонарями, недавний постовой представлял собой картину неприглядную. Активно пытаясь освободиться от пут, катаясь по обочине, он изрядно вымазался в грязи.

– Дай-ка, Дима, слово оратору.

Стоянов наклонился и рывком сорвал со рта пленника кусок скотча. В следующую секунду на них обрушился град проклятий и угроз. Обидчикам – русским свиньям и исчадию ада на чеченской земле – были обещаны все загробные кары, а также вполне земные неприятности. Было торжественно объявлено, что сию секунду или чуточку позже сюда примчится батальон «Восток» в полном штатном составе, а также Рамзан Кадыров собственной персоной, и грязных чушек повесят вверх ногами на ближайших столбах, оплюют, и они будут висеть, пока не сдохнут и вороны им не выключат глаза.

Терпения Веклемишева хватило примерно минуты на полторы.

– Мы с тобой, Дима, нынче выступаем в роли апостола Петра. Нас распнут, причем вниз головой, что очень даже обидно, – со вздохом сказал Вадим. – И, что самое интересное, этот парень, вероятнее всего, и вправду из батальона «Восток». Хамит с полной уверенностью в своей безнаказанности.

– Что вряд ли облегчит его положение. Потому как работал он на нехорошего дядю, – констатировал Стоянов и деловито спросил: – Ну что, приступим к допросу с пристрастием? Иголки под ногти или кастрация? Последнее считаю более эффективным воздействием на местных упрямцев.

– А может, сразу – под корешок? – засомневался Веклемишев.

– Чтобы и без иллюзий и без надежд...

Пленник на короткое мгновение затих, переваривая услышанное, а затем вновь разразился руганью.

– Сделаем проще, – неожиданно подал голос старлей Гриша. – Он сам захотел... Дай-ка, Дима, на секундочку телефон этого безмозглого барана. Ты верно определил его сущность. Сейчас он нам совсем по-другому запоем – сладко, как соловей весной. Или сам себя кастрирует.

– Твои слова меня заинтриговали, – с некоторым удивлением сказал Димитр. – Особенно насчет самого себя... Очень концептуальное заявление!

Стоянов вытащил из кармана мобильник и передал его Григолу.

Вместе с Веклемишевым они с интересом наблюдали, что будет дальше. Даже пленник, косясь на Абашидзе, стал ругаться менее интенсивно, хотя глаза его так и метали молнии в своих обидчиков. Григол набрал номер и приложил трубку к уху.

– Так говоришь, Кадыров сюда примчится, – пробормотал он себе под нос, однако все присутствующие его слышали. – Алло, Рамзан! Привет, дорогой! Это тебя Гриша Абашидзе беспокоит. Как семья, как дети? Наследник растет?... Ай, молодец! Богатырем будет – весь в отца и деда!.. Чем занимаешься?... Дела государственные, а потом в бильярд поедешь играть? Завидую!.. Нет, не могу, тоже дела, и тоже государственные. Тем более я сейчас в дороге, уже за Шатоем, спешу на заставу. Ты в курсе вчерашнего нарушения границы? Доложили тебе?... Кстати, я-то думал, ты по мою душу и тело сейчас летишь на полных парах, а не в бильярдную... Откуда такие сведения? Тут мне один боец из батальона «Восток» сообщил, что ты меня собираешься за ноги на столбе повесить и держать в таком положении, пока я не издохну... Не веришь? А зря. Мы этому джигиту хотели совсем несложный вопрос задать насчет того, зачем он Басаеву или кому другому о нашем передвижении сообщил, а парень начал ругаться, тобой грозиться... Кто такой? Сейчас спрошу. Может, ему трубку передать?...

Григол опустил глаза на пленника.

– Кадыров спрашивает, как тебя зовут. Сам с Рамзаном будешь говорить? Не хочешь? А с нами? Думаешь, обманываю тебя и не с Кадыровым беседую? Алло, Рамзан, прошу как друга, скажи этому тупому ишаку несколько слов ласковых и нежных. Ну-ка послушай, любезный!

Абашидзе наклонился и поднес мобильник к уху «восточника».

Мембрана телефона разносила громкий знакомый голос так, что его было слышно не только пленнику, но и стоящим над ним Веклемишеву и Стоянову. Даже при свете карманных фонарей было заметно, как у парня побелело лицо и задрожали губы.

– Обмочится со страху или выдержит? – тихо и задумчиво поинтересовался Димитр и, не получив ответа, подвел промежуточный итог: – Даже если сейчас вытерпит, потом все равно мочевой пузырь ему отобьют. Свои...

– Так ты все нам расскажешь? – вкрадчиво спросил Григол и, дождавшись активного мотания головой, убрал от его виска трубку телефона. – Алло, Рамзан! Этот парень будет с нами говорить. Он умный... Еще какая помощь? Думаю, дальше сами справимся... Спасибо, дорогой! Обязательно, как освобожусь, так сразу... И тебе счастье!

Григол со стуком захлопнул крышку мобильного и взглянул на Веклемишева. Тот кивнул в ответ старшему лейтенанту, благодаря за столь нужную и эффективную помощь.

– Как тебя зовут? – спросил у пленника Вадим. – Отвечай быстро и не думай врать.

– Зелимхан Таркаев, – угрюмо ответил лежащий. – Можете проверить мои документы. Они во внутреннем кармане. И врать мне уже смысла нет. Но и вины своей я не вижу. Просто хотел немного заработать денег.

– Кто тебя отправил на блокпост и с какой целью?

– Мы с Алхазуром...

– Это кто такой?

– Мой напарник, который остался на посту. Нам с Алхазуром дали краткосрочный отпуск на трое суток. Я приехал в гости к дяде. Он живет в селе неподалеку отсюда. Сегодня около двенадцати дня пришел сосед...

– Имя, фамилия?

– Исробил Галанхоев. Он предложил нам подработать. Сказал, что нужно на сутки заступать на дежурство на блокпост. Обещал заплатить по сто долларов каждому. Нашей задачей было вместе с омоновцами проверять проходящие через пост машины и докладывать по телефону о проезжающих. Исробила интересовал какой-то важный человек из Москвы и еще раненый с заставы. Он сказал, что первый поедет в горы под охраной, а второго могут оттуда вывозить. Дал номер телефона, по которому надо звонить.

– Этот номер – связь с самим Галанхоевым?

– Нет, отвечал другой человек. Я его не знаю. По крайней мере, по голосу не определил.

– А вот и второй нарисовался, – негромко прокомментировал показания пленника Стоянов. – Будет контрразведчикам чем заняться...

– О ком, кроме нас, ты сообщал этому незнакомцу?

– Часа три назад проехал через пост какой-то чиновник из урус-мартановской администрации и с ним пара солидных людей...

– И все?

– Потом была только ваша колонна. Я имею в виду тех, о ком следовало сообщать.

– Так вы с этим... Алхазуром просто так пришли на блокпост и омоновцы вам разрешили вместе с ними нести службу? В честь каких ежеиков они вас допустили к службе?

– Насчет ежеиков не знаю, но им звонили насчет нас. А уж потом Исробил привез меня и Алхазура...

– Ты знаешь, кто дал команду на блокпост принять вас?

– Нет, не знаю. Когда мы приехали, капитан сказал, что ему позвонили...

– Да, совсем хреновые дела у тебя, джигит, – подвел итоги разговора Веклемишев. – Развяжи его, Дима.

– А стоит? – с сомнением посмотрел на Вадима Стоянов. – Дергаться начнет, суетиться, побежит жаловаться своим или чужим... Может, его ножичком по горлу – и все проблемы устранены. И для парнишки, и для нас.

– Пускай уходит, – твердо сказал Веклемишев. – У него сейчас одна задача: добежать до своих «восточных» командиров и доложить им о произошедшем. И сделать это быстрее, чем за ним придут из службы безопасности. При данном раскладе у бедолаги остается маленький шанс для дальнейшей беспокойной, но относительно здоровой жизни.

– Логично, – качнул головой Стоянов и, достав из нагрудных ножен штык-нож, перерезал веревки, стягивающие запястья и лодыжки пленника. – Поднимайся, гуляй, Зелимхан, вспоминай душевную доброту полковника.

– А телефон? – хмуро спросил парень. – Может, отдадите?

– Вы посмотрите на нахала! А в носе не засвистит? – изумился Димитр. – Телефончик твой пока останется у нас. Нам еще надо пробить номерок, по которому ты сдавал нас. Вернемся в Ханкалу – отдам лично твоему комбату, так как твою рожу мне лицезреть особого желания нет. А сейчас, уж извини, бача, мобильник, как орудие преступления, конфискован, мобилизован и поработает во славу русского оружия, – наставительно сказал Димитр. – Я правильно говорю, товарищ полковник?

– Верно говоришь, – рассеянно кивнул в ответ Веклемишев. – Только много. По машинам!

Лицо Стоянова сразу посерьезнело. Он развернул за плечи и несильно подтолкнул незадачливого постового по направлению к блокпосту. Григол и Димитр быстро загрузились в «уазик», а Веклемишев помедлил, всматриваясь в темноту. Следовало привести мысли в порядок, и на это не ушло много времени.

Не требовался глубокий анализ показаний недавнего пленника, чтобы окончательно убедиться, что Дагаев поднял сильную волну. Не такие уж неразумные были люди за Кавказским хребтом, от которых бежал Муса, чтобы просто так сдавать свои законспирированные связи здесь, в Чечне, играя ва-банк.

Можно не сомневаться в том, что боевики прекрасно понимают, что все, кого они привлекают к нейтрализации московского гостя и Дагаева, могут сгореть с большой долей вероятности и потянуть за собой ниточки связей. И эти действия еще раз подтверждали то, что ставка в игре – информация, которую принес Муса, – слишком высока.

– Димитр, у тебя есть контактный телефон управления ФСБ по Чеченской республике? – спросил Веклемишев, залезая в машину. – Отлично! Они в курсе моих дел и в любой момент готовы подключиться к работе. Из Москвы команда для них прошла. Передай им информацию, которую мы получили от Таркаева.

– Понял – связаться с управлением, Вадим Александрович, – принял команду Стоянов и тезисно перечислил, что необходимо сообщить контрразведчикам: – «Восточник» Зелимхан Таркаев, сосед его дяди Исробил Галанхоев, звонок-указание на блокпост, телефонный номер, по которому передавал информацию Зелимхан.

– Все верно, работай, – одобрил Веклемишев и обратился к подполковнику: – Игорь Иванович, какие новости с заставы?

– По Дагаеву особых изменений нет, только передали, что он слабеет с каждой минутой, – доложил подполковник. – И ваши предположения, Вадим Александрович, похоже, оправдываются. Полтора часа назад в четырех километрах с восточной стороны от заставы был обнаружен отряд боевиков численностью до сорока человек. Применили станковые минометы, однако спустившиеся сумерки не позволили определить, нанес какой-либо урон бандитам минометный огонь или нет. А примерно сорок минут назад через приборы ночного видения погранич-

ники обнаружили движение людей в двух километрах юго-западнее передовых рубежей обороны.

– Подтягиваются и берут заставу в кольцо, – констатировал Веклемишев. – Считайте, боевиков уже до сотни. Передали, чтобы были готовы к бою?

– Все передал, – мотнул головой в ответ подполковник и расстроено уточнил: – Позиции у них оборудованы, цели пристреляны... Вот только вместе с усилением пограничников на заставе не более шестидесяти человек. Кто бы мог предположить, что боевики пойдут на соединение. Я с отрядом связывался, там в курсе обстановки и готовятся выслать еще поддержку, но ведь дорога-то перекрыта и погода для «вертушек» нелетная.

– Подкреплению надо выдвигаться и пробиваться на заставу. И как можно скорее. Боя не избежать, – подытожил Веклемишев.

Еще около получаса машины шли по шоссе, высвечивая фарами мокрые обочины. Проскочили небольшое село, проявившееся справа и слева от дороги редкими огнями. Едва оно осталось позади, как неожиданно Веклемишев скомандовал:

– Стоп, машина!

– Что случилось? – с тревогой в один голос выпалили Димитр и Григол.

– На каком расстоянии мы находимся от первого мятежного аула? – спросил Вадим.

– Примерно в десяти километрах, не больше, – доложил Стоянов. – Тамбовцев ждет нас у излучины горной речки, там, где к дороге выходит контрабандная тропа на заставу, о которой мы говорили.

– Все понятно, – коротко ответил Веклемишев. – Слушай мою команду! Димитр, продолжай движение с Игорем Ивановичем в «УАЗе». Дай указание Митяю и Даниле-мастеру, чтобы перебирались на броню. У них у обоих «киборги»? Отлично! Я перебазируюсь туда же, на свежий воздух. Григол, бери одного бойца из своих поопытнее и тоже устраивайся на броне. Димитр, передай Тамбовцеву, чтобы при нашем приближении вставал в голову колонны и вел ее до аула-юрта, где народ дорогу перекрыл. Доведи до всех, что с манифестантами следует вести себя аккуратно, однако поскандальить, полаяться можно и даже нужно – и чтобы шуму было побольше. Надо постараться пройти через это село. Да и через второе тоже... Я работаю по личному плану. Связь – в дежурном режиме. Вопросы есть? По местам!

Глава 7. Двое сбоку...

Колонна шла на небольшой скорости. Асфальт закончился, автомобили скользили по мокрой глиняной грунтовке. Лишь местами, когда под колеса ложилось гравийное полотно или попадался каменистый участок, машины ускоряли ход.

Бронетранспортер со своими четырьмя ведущими мостами шел более устойчиво, а вот «уазик», идущий первым, нещадно болтало из стороны в сторону и носило по колею.

Веклемишев ежился под пронизывающим ветром, дующим в лоб колонне со стороны Большого Кавказа. Башня БТРа, за которой он укрылся, не спасала ни от ветра, ни от нудного мелкого морозящего дождя. Григол со своим подчиненным спецназовцем устроились на корме, у самых выхлопных труб. Справа и слева от Веклемишева заняли места Митяй и Данила-мастер, ведущие наблюдение за дорогой. Их «киборги» – защитные шлемы – были оборудованы приборами ночного видения, дальномерами и другими нужными и не очень электронными принадлежностями.

Конечно, морось мешала хорошему обзору «ночников», однако лучше плохо видеть, чем никак.

По расчетам Вадима, до места встречи, где их ждал Тамбовцев, оставалось не более километра. И это как радовало, так и давало повод для сильного беспокойства. До заставы было, считай, рукой подать – порядка шестнадцати километров, но, без сомнения, самых трудных. Пока что Вадим колебался в выборе маршрута и способа передвижения. Информация об обстановке в аулах-юртах с блокированием дороги была не совсем ясная. Вроде бы население продолжало перекрывать единственную транспортную артерию, по которой можно пройти, а точнее – проехать к заставе, однако активное бурление народа, наблюдавшееся в течение дня, вроде бы стало стихать.

Этого следовало ожидать. При такой мерзкой погоде стоять целый день на улице не очень приятно, и людей, естественно, потянуло домой. Однако строить иллюзии, что к подходу колонны дорогу разблокируют, не стоило.

А беспокоился Вадим еще и из-за того, что с минуты на минуту конвой должны настигнуть неприятности. Вполне возможно – крупные. Предчувствие его редко обманывало. Хотя какое там предчувствие – в ситуации, в которой он находился сейчас, и без склонности к фатализму можно было утверждать, что кое-кто вместе с кое-чем подобрался незаметно. Оставалось лишь удивляться, почему до сих пор его и спутников минула чаша горькая встречи с ними. Его прибытие и маршрут следования с примерными временными характеристиками уже должны быть известны, по определению Стоянова, нехорошим дядям. Звонок «восточника» Зелимхана с блокпоста явился, без сомнения, окончательным утверждением, что Веклемишев именно тот, кого ждут боевики. Из всего этого следовал неутешительный вывод, что попытка перехвата московского гостя дело ближайшего времени.

Беспокойные размышления Вадима на уровне условного рефлекса дали сигнал мышцам к произвольным манипуляциям. Большой палец будто сам собой лег на скобу предохранителя «Бизона» и проверил ее на мягкость хода. Щелчок – готовность к бою, щелчок – предохранитель застопорил затвор... И в тот же момент предохранитель с силой был брошен вниз, автомат взлетел к плечу Веклемишева, рывком вскочившего на колени и занявшего позицию за башней.

– Цель справа на два часа, – раздался над ухом громкий, но спокойный голос Данилы-мастера. – Работаю!

Одновременно прошел доклад Митяя:

– Цель слева на одиннадцать. Работаю!

За практически неслышным в гуле работы двигателя БТРа выстрелом из «вампира», снайперской винтовки Данилы-мастера, оборудованной глушителем, последовали короткие, в три патрона, очереди «бизона» Митяй. Примерно в пятидесяти метрах впереди справа от дороги расцвела яркая вспышка огня; в уши Вадима ударил глухой, знакомый звук выстрела гранатомета. Граната прошла по высокой траектории над «уазиком» и взорвалась метрах в двухстах слева, осветив далекую каменную осыпь. Веклемишев, правда, этого не видел. Он вел огонь скупыми очередями по позиции гранатометчика. Рядом «работал» Митяй, поливая из автомата левую обочину. Гремели выстрелы и за спиной Вадима, с кормы бронетранспортера, где находились Григол со своим бойцом. «Уазик» и бронетранспортер прибавили ходу – водители знали свой маневр. Трассирующие пули, летевшие с брони в темноту, создавали феерическую картину. Казалось, будто у БТРа выросли длинные, трепещущие на манер стрекозиных, крылья. Вот только художники, создавшие это фантастическое полотно, менее всего были склонны любоваться его красками.

– Справа движения не наблюдаю! – крикнул Данила-мастер. – Вижу двух «двухсотых», оба гранатометчики.

– Слева – аналогично, третий ушел по обрыву, – выдал информацию Митяй. – Все были вооружены автоматами.

– Прекратить огонь! – скомандовал Веклемишев. – Доложить потери.

– Потерь нет, – пришли доклады со всех сторон.

– Принял! – коротко и громко, перекрывая шум двигателя БТРа, крикнул Веклемишев. – Продолжать наблюдение за обочинами. Митяй, передай, чтобы водители не гнали и скорость держали соответственно дорожным условиям.

– Стоян сообщил, что у них все в порядке, – буркнул Митяй после короткого радиообмена.

Первый блин комом не случился, все сработало грамотно – как надо, как учили. В принципе засада была стандартная. Гранатометчик должен был из укрытия вклепать выстрел в передовой «УАЗ», а засевшие слева боевики расстрелять «пехоту». Вторая граната предназначалась БТРу. Данила-мастер разглядел гранатометчика в «ночник» и снял его из снайперки. В движении это сделать нелегко, но на то он и мастер – натуральный, заслуженный мастер спорта по стрельбе. Правда, официальный статус Данила заработал еще до прихода в Отдел, а уже позже, после того как показал себя не на стенде и стрельбище, а в реальном бою, приставка «мастер» сама собой прилепилась к его имени.

Вовремя поймал в прибор ночного видения движение слева и Митяй, успевший на доли секунды до того, как грянул выстрел гранатомета, опередить огнем засевших в камнях боевиков и уложить двоих. Одна граната все же была запущена в сторону «УАЗа», но отброшенный пулей из «вампира» боевик направил ее высоко над дорогой. Второй гранатометчик не успел сделать и этого, попав под огонь Вадима или кого-то из пограничников, хотя, возможно, это опять же была работа Данилы-мастера. Так что классическая засада была не менее классически подавлена.

Подобной пакости, собственно, Вадим и ожидал. У него даже на сердце полегчало, что уже не надо ничего ждать, а следует только действовать...

– Стоян передает, что Тамбовцев нас видит, – доложил Веклемишеву Митяй, принявший сообщение по переговорному устройству «киборга».

Димитр держал связь с Тамбовцевым, дожидаящимся их у излучины горной речки.

– Пусть Стоян даст Ивану сигнал: установленный ранее план без изменений, – сказал Веклемишев и высунулся из-за башни, всматриваясь в темноту по ходу движения колонны. – И передай Димитру, чтобы он держал радиостанцию постоянно включенной. Это для того, чтобы мы были в курсе обстановки.

Справа на обочине обозначился голубоватый рассеянный свет.

Это на «тамбовском» «Урале» включились фары, затемненные светомаскировочными устройствами. «УАЗ» сбросил скорость, чтобы согласно определенному Веклемишевым плану построения колонны пропустить вперед тяжелую тушу механического бронтозавра, детища автопрома эпохи развитой социндустрии. Несмотря на все свои недостатки, главным из которых было пожирание в запредельных количествах горючего, «Урал» был относительно неприхотлив, а по проходимости, особенно ежели приспустить колеса, включить передний мост и пониженную передачу, был равен четырехосному БТРу, если не превосходил его. Еще из положительных качеств можно было отметить изрядную грузоподъемность и вместимость грузовика, которые в полной мере были использованы пытливым умом русского солдата. Наваренные на борта металлического кузова стальные листы «шестерка» плюс самопальная же защита кабины и капота на ходовых качествах «Урала» совершенно не сказывались, зато прекрасно защищали от пуль. А проделанные в металле бойницы вообще превращали машину в эдакий ошестинившийся стволами сухопутный броненосец огневой мощью до взвода.

Веклемишев искренне сомневался, что «Урал» являлся штатным и был приписан к группе Тамбовцева. Вероятнее всего, парни позаимствовали его на время у соседей. А возможно, сменяли, махнули не глядя на трофеи. На войне много чего случается и много чего она списывает. И не только бездушные машины...

«Урал» вышел на дорогу впереди «УАЗа» и не спеша повел за собой колонну.

– Внимание тем, кто на бронепоезде! – громко скомандовал Веклемишев. – Станция Хацепетовка, пассажирам просьба не забывать в вагоне свои вещи. Все с брони за мной!

Он первым спрыгнул с бронетранспортера, идущего на небольшой скорости. За ним посыпались все, кто ехал на броне, – Митяй, Данила-мастер, Григол и его спецназовец. Отряд не заметил потери бойцов – колонна продолжала двигаться вперед.

– Становись! – негромко сказал Веклемишев и прочертил карманным фонарем линию на земле.

Четверка бойцов выстроилась на каменистой обочине.

– К маршу готовы? – спросил Веклемишев и, не дожидаясь ответа, скомандовал: – Попрыгали!

Команду прыгать он дал, чтобы проверить экипировку бойцов на шумность. И в основном это касалось пограничников. В своих, «отдельских», Вадим был уверен. Но и Григол с подчиненным не подкачали. Ничего не гремело, не блямкало, не билось.

– Совершаем марш-бросок на заставу. Двигаемся следом за колонной параллельно дороге до ближайшего селения. Скрытно просачиваемся через него, идем к следующему аулу-юрту. Соблюдать маскировку. Оружие применять в случае крайней необходимости, стараться обходиться бесшумными методами нейтрализации противника, если таковой проявит активность. Построение: Митяй идет первым, я – за ним, далее следуют Григол и его подчиненный. В замыкании – Данила-мастер. Митяй, наблюдаешь вперед и вправо, Данила – держишь левую сторону. Кому что не ясно?

Молчание было ответом на вопрос. Всем все было понятно.

– Как тебя зовут, служивый? – обратился к пограничнику-спецназовцу Вадим.

– Старший сержант Головкин, контрактник, – доложил боец.

– Имя твое как? – уточнил вопрос Веклемишев.

– Николай, товарищ полковник.

– Коля, значит, – констатировал Вадим. – В боевых операциях участвовал, Колян?

– Два года в пограничном спецназе. Орден «Мужества» и тяжелое ранение, – коротко доложил за него Григол.

– У меня вопросов нет, – подвел итог знакомства Веклемишев. – Ко мне есть?

– Тропу вы пока оставили? – Голос Григола звучал немного удивленно. – Не безопаснее ли пройти на заставу по ней.

– Может, и безопаснее, но слишком долго, – отрезал Вадим. – И кто сказал, что там нас тоже не ждут? Еще вопросы?

– В порядке поступления при обсуждении тем повестки дня, – презрительно пробурчал Митяй. – Чего зря болтать, трясти надо!

– И я того же мнения, – согласился Веклемишев. – Стройся согласно приказу. Вперед и вверх, а там...

– Ведь это наши горы, они помогут нам! – закончил за него Данила-мастер фразу из песни Владимира Высоцкого.

– Бегом марш! – скомандовал Вадим.

Могло показаться странным, но Веклемишев утвердился в выборе маршрута после нападения боевиков на колонну. Пришло не спокойствие, но уверенность в силах своих и команды, которую он себе определил. Его ответ Григолу по поводу использования обходной тропы контрабандистов был совершенно искренен. Время поджимало, боялся Вадим, что не успеет к Мусе.

Да и не только пограничники знали об обходном пути, но и боевики были в курсе потаенной тропинки. Кто сказал, что она не перекрыта очередной засадой или, что еще хуже, не заминирована? Ну а уж скрытно просачиваться через населенные пункты «отдельские» были обучены. Да и пограничники, можно не сомневаться, не только по безлюдным местам работают. И с погодой невесть как повезло: темень хоть глаза выколи, мокрота и сверху и снизу, ветер, того и гляди, снег с гор принесет... Условия для татей ночных прямо-таки курортные.

Прямо Гагры с Сочами, твою в дышло и коромысло!..

Глава 8. Демон ночи

Как утверждал классик, теория – мертва, но вечно зелено древо жизни. Среди множества физкультурных терминов и понятий существует общетеоретическое определение легкого бега, в смысле – спокойного, неторопливого. При полной экипировке, с оружием, ночью, по мокрой глиняно-каменистой почве спуртовать как-то не с руки, а точнее – не с ноги, однако называть такой бег легким вправе лишь самый отчаянный оптимист или откровенный даун.

Митяй знал свое дело, установив спокойный и размеренный темп. Веклемишев подстроился под его шаги и держал постоянную дистанцию около метра, хотя бежать было нелегко. Приборы ночного видения имелись только у Митяя и Данилы-мастера. Все остальные двигались практически незрячими, с трудом различая в темноте спину впереди бегущего, надеясь лишь на удачу, чтобы не попал под ступню камень, не поехала подошва на скользкой глине. Подвернуть ногу или потянуть связки в подобном «слепом полете» было очень даже просто. Конечно, Митяй понимал это и выбирал дорогу поровнее, но не стоило забывать, что он еще являлся передовым наблюдателем и потому не зрил постоянно в корень, то есть под ноги, а и по сторонам поглядывал очень даже внимательно.

На первом километре марш-броска Вадим почувствовал, как по спине, щекоча кожу, потек пот. Запоздалое чувство сожаления по поводу того, что последнее время он слишком много занимался кабинетной деятельностью и мало уделял внимания физическим нагрузкам, очень скоро ушло. Организм имел достаточный запас выносливости, выработанный многолетними изнурительными тренировками, и Веклемишев быстро втянулся в, в общем-то, привычную работу.

Пару раз Митяй останавливал бег, давая свистяще-шипящий сигнал о близкой опасности. Однако в обоих случаях тревога была ложной. Похоже, боевики устроили на этом участке маршрута только одну засаду, которую они уже уничтожили. Да и прошедшие недавно машины давали относительную уверенность, что дорога чистая от недругов ночных. По расчетам Вадима, они отстали от небыстро идущей колонны не более чем на десять минут.

Неожиданно навстречу бегущим бойцам выплыли совсем близкие редкие огни. В этом месте дорога делала поворот, выходя из-за холма к селению. Фонари были в беспорядке разбросаны между едва различимыми в темноте домами. Наиболее освещенным местом являлся въезд в село, до которого было не менее полукилометра. Кроме одинокого фонаря, на дорогу светили еще и фары двух машин. На «Урале» и «УАЗе» светомаскировочные устройства подняли, видимо, для того, чтобы обзор был получше. В свете фар Веклемишев разглядел мельтешение немалого количества людей. Бронетранспортер остановился, не доехав до освещенного участка дороги метров пятьдесят, видимо, чтобы не нервировать и без того возбужденных селян.

– Стой! Малый привал, – скомандовал Веклемишев. – Митяй! От Тамбовцева никакого сообщения не пришло?

– Кричат, – коротко доложил Митяй, прислушавшись к звукам в наушнике «киборга». – Слышу в основном бабьи голоса. Внимание, Стоян докладывает! Говорит, что с каждой минутой народу, в смысле – баб и детей, прибывает, будто они почкуются в ближайших кустах и на свет прут. Мужиков практически не видно, может, пара стариков болтается между абсолютным женским большинством. Пейзанки настроены крайне агрессивно. Дима предполагает, что пробиться трудненько будет.

– Все понятно, – перебил Митяя Вадим. – Передай Димитру, чтобы силу не применяли. Как я и говорил, пусть пошумят в плепорцию, малость полаются... Тамбовцев как, голос еще не потерял?

– Труба иерихонская, – доложил Данила-мастер, – он же бас шаляпинский. Намедни мы с соседями-эмвэдэшниками чуточку законфликтовали, так товарищ майор как рот разинет...

– Отставить мемуары! – приказал Веклемишев. – Григол, ты эту местность хорошо знаешь?

– Зрительно помню неплохо, – доложил из темноты старший лейтенант, – хотя ногами, честно признаюсь, не топтал.

– Твое предложение, где лучше просачиваться через село?

– Справа – скалистая горушка, а за ее гребнем сразу крутой обрыв к реке. В темноте в ту сторону идти опасно. Да и выйдем к тропе по ущелью, которую вы, товарищ полковник, забраковали. Мое предложение: уходить влево через дорогу, спускаться по склону – он относительно пологий, и продвигаться вдоль ручья. Ручеек этот хиленький, протекает по нескольким участкам. Там в основном огороды и пастбища. Между ними заборы, но преодолеть их – не большая проблема. Дома стоят на удалении от ручья в сто-триста метров. Особых трудностей по проходу этим путем быть не должно.

– Понятно, – задумчиво сказал Веклемишев. – У кого есть другие предложения по маршруту движения? Нет? Отлично! Порядок построения – прежний. О бдительности и осторожности не напоминаю. Митяй! Темп держать, но не слишком торопиться. Главное для нас – незаметно проскочить замитинговавший юрт. Впереди еще одно мятежное село, и не в наших интересах, чтобы там знали, что мы чужими огородами пробираемся к заставе. Вперед марш!

Склон действительно сходил вниз не круто, и спускаться по нему было легко, хотя пару раз Веклемишев, спотыкаясь, ловил ногой вросшие в землю камни. Движение происходило в полной тишине. А вот со стороны въезда в село доносились сильные крики. Особенно выделялся густой бас майора Тамбовцева. Он накладывался на тонкие женские голоса, перекрывал их, как пароход своим мощным гудом перекрывает крики голодных чаек. Оставалось надеяться, что отвлекающий маневр сыграет свою роль – сконцентрируем внимание митингующих селян и их скрытых организаторов на «тамбовцах» и оставшихся с ними пограничниках-спецназовцах Григола. А еще хотелось пожелать, чтобы активный диалог воинов с «мирными» пейзажами прошел без потерь с обеих сторон. В последнее верилось с трудом. Конечно, служивые в обиду себя не дадут, однако опасения, что кто-то из мужиков заполучит на фейс следы от женских ногтей, были реальными. Правда, жен рядом нет, а потому и оправдываться не перед кем. Но самое поганое, если из-за бабьих спин полоснут по ребятам из автоматов. Ответить они не смогут из-за боязни задеть кого-то из женщин и детей, и уйти не получится...

От размышлений о «тамбовцах» и пограничниках, «беседующих» сейчас с селянами, Вадима отвлек камень, на который случайно ступила его нога. Подошва еркнула по мокрой скользкой поверхности, и несильная боль дернула щиколотку. Веклемишев выругался про себя, что отвлекся, и сосредоточился на движении. Понадобились недолгие секунды, чтобы мышечная память вспомнила осторожную походку, называемую «журавлиным ходом». На счет «раз» нога шла к земле носком, будто ощупывая поверхность, на которую опускается, и, если все в порядке, на «два» ступня ставилась на всю подошву. На счет «три» тело шло вперед, выбрасывая вторую ногу. При встрече носка с препятствием нога уходила в сторону в поисках безопасного приземления, на доли секунды оттягивая счет «два». А далее все шло в полном соответствии с темпом вальса: раз-два-три, раз-два-три...

Естественно, «журавлиная» походка просто не давалась, к ней нужно было приноровиться, и не один год ушел у Веклемишева на то, чтобы подобное вальсирование, явно идущее вразрез с анатомическим строением ноги, стало автоматическим и не тормозило движения. Вот и сейчас максимум на седьмой связке «раз-два-три» ноги зашагали легко и непринужденно, будто по асфальту. К тому же свет от редких фонарей хоть и совсем скупо, но все же доставал до сельских задворков, по которым скользили пять темных силуэтов, и помогал высмотреть крупные предметы, давая хоть какую-то ориентацию в пространстве.

Первую пару препятствий – забор из жердей и редкий плетень – прошли легко, практически без задержки. Участки, которые они опоясывали, были относительно ровные и, вероятнее всего, являлись выпасами скота. Третий участок был огорожен сеткой-рабицей, что наводило на мысли о саде и огороде, тем более что дом с одним освещенным окошком располагался от места, где они собирались преодолевать забор, на расстоянии не более ста метров.

Сетка легко сдалась под натиском штык-ножа в паре с ножнами, превратившимися в ножницы по металлу. Спецназовец Коля умело расправился с проволочным ограждением и, оттянув край, пропустил всех за забор. Пока Григол помогал самому сержанту перебраться через дыру в сетке, Вадим дал команду Митяю запросить об обстановке на окраине. Особых изменений в положении и состоянии конфликтующих сторон не было.

– Лают и не пускают, – как всегда скуп, но объемно доложил Митяй. – Морды не бьют...

То, что ругань между селянами и «тамбовцами» продолжается, Веклемишеву было слышно и без доклада. Радовало, что дело пока обходится без драки, и то, что его отсутствие среди бойцов прибывшей колонны на окраине пока не зафиксировано, о чем свидетельствовала продолжающаяся перепалка.

– Вот и ладненько, – сказал довольный Вадим и негромко скомандовал: – Вперед марш!

Однако его команда повисла в воздухе. Митяй и Данила-мастер практически одновременно и более чем эмоционально выдохнули:

– Справа!! Твою мать!.. Держись!..

Веклемишев резко присел и кинул ствол «бизона» вправо, снимая автомат с предохранителя и одновременно пытаясь высмотреть в темноте, что так поразило опытных «отдельцев», что они столь эмоционально нарушили отработанный годами и операциями порядок подачи команд. Видимо, для этого были причины, которые его зрение, не вооруженное прибором ночного видения, не могло зафиксировать.

Он услышал, как мягко щелкнул затвор снайперского «вампира» Данилы-мастера и тонко звякнула сталь о сталь в той стороне, где стоял Митяй. Похоже, прапорщик приготовил для боя свое знаменитое личное холодное оружие. Его малайский крис с изогнутым лезвием длиной около полуметра был известен в Отделе и являлся объектом зависти для многих. Но против кого изготовились Митяй и Данила?

Слух Вадима уловил топот грузного тела. Его явно издавал не человек, а животное, причем солидных размеров. А вот и темная тень мелькнула, едва различимая в отблесках света далекого уличного фонаря.

«Что это за ночной ужас? – оторопел Вадим, чувствуя, как спина покрывается холодным потом. – Собака? Но почему она не лает? И размеры?!! А может, это медведь? Но с какого переляка здесь взяться лесному зверю? – роем закружились мысли в голове Веклемишева. – Нет, похоже, все-таки пес...»

Огромная собака длинными прыжками приближалась к застывшим в оцепенении нарушителям границы частной собственности. В ее намерениях можно было не сомневаться – явно не лапу подать торопится и не лизнуть в щеку... И несется, не издавая ни звука, вызывая этим непонятным молчанием у людей чувство, близкое к паническому.

– Кавказец!.. – зачарованно протянул кто-то рядом, кажется, Данила-мастер. – Сейчас полетят клочки по закоулочкам!

– Отставить фольклор! К бою, Баскервили занюханные! – резко и свирепо бросил Веклемишев, приводя в себя подчиненных. – Митяй и Данила – работать! Григол, Коля, не вмешиваться!

Сам он секундой раньше сбросил навалившееся оцепенение. Ни Вадим, ни бойцы не оказались готовы к подобному повороту событий, хотя кого первого, как не собаку, охраняющую хозяйский скarb, можно было встретить на чужом подворье.

Вот только здоров кавказец и, главное, не лает – словно в психическую атаку идет. Мурашки на коже еще не отошли, но мозги уже в порядке. Ну, псина! Это тебе не боевик из засады, посерьезнее будет... Точно, собака Баскервильей, блин горелый!

Приказ Веклемишева привел в действие отлаженные механизмы, именуемые оперативными сотрудниками Отдела. В общем-то, они всегда были готовы к встрече с противником, будь он человек или дикий зверь. Об этом свидетельствовали приготовления к схватке с кавказцем: уже приведенные к бою «вампир» и крис. Григол с сержантом, выполняя приказание Вадима, застыли за его спиной, а точнее – еще не выходили из этого состояния.

Глухой звук, похожий на чавканье, – выстрел из снайперки с глушителем не остановил кавказца. В том, что Данила-мастер не промахнулся по огромной по размерам цели с расстояния в десять шагов, можно было не сомневаться. Однако пес не остановился, не замедлил хода и продолжал нестись на чужаков, нарушивших границу территории его ответственности. Второго выстрела не последовало – Митяй опередил Данилу и занял директрису стрельбы, готовясь врукопашную встретить атакующего пса.

В темноте, едва разрываемой светом далекого фонаря, было трудно разглядеть подробности схватки человека с собакой, длившейся не более десяти секунд. Удивительно, но, кинувшись на вставшего на его пути Митяя, пес по-прежнему не издал ни звука. Две стремительные тени слились в клубок, бешено крутящийся буквально в паре метров от застывших в ожидании финала боя Вадима, Данилы-мастера, Григола и сержанта Коли.

«А ну как Митяй не справится, кто следующий будет?» – мелькнула шальная мысль в голове Веклемишева, и он покрепче ухватил автомат.

Секунды боя человека разумного с братом меньшим, казалось, растянулись на часы. Рассмотреть, чья сторона одерживает верх, имел возможность только Данила-мастер по «ночнику», но он воздерживался от комментариев. Все остальные напрягали слух, пытаясь понять, что происходит в сумраке рядом с ними. Звуки схватки переместились вниз к земле и совсем неожиданно затихли. Нет, еще рывок, еще шумное шевеление... И опять все затихло. Похоже, продолжения не последует.

– Ну ты закончил, Митюша? – раздался в темноте спокойный голос Данилы-мастера. – Чего лежать, вставай. На том свете отлежишься. Как ты?

– Вымазался, как чушка, с этой проклятой псиной, – сказал Митяй, в голосе которого слышались нотки искренней досады.

– Форму только перед выходом постирал. А заканчивают, сам знаешь на ком...

– Нет чтобы о безвинно убиенном песике поскорбеть, о его бедной собачьей душе, так он о тряпках тревожится и скабрзности изрекает, – с осуждением сказал Данила-мастер.

– Не о тряпках, а о личной чистоте тела забочусь, – уточнил Митяй. – В какой стороне тут ручей? Есть искреннее желание сполоснуться и сменить белье.

– Отставить ручей! Из фляги ополоснешься, – приказал Веклемишев. – Время поджидает. Минута на баню.

– Есть из фляги! – безмятежно согласился Митяй. – Данила, слей.

– А классно ты этого зверюгу подловил, – под журчание воды похвалил Митяя Данила-мастер. – Крис в самую глотку загнал.

– Это нетрудно было. У пса пасть в четыре кулака – голова влезет. Он в прыжке ее разинул, на горло мое нацелился, тут я его и поймал. Хорошо клинок длинный, далеко вошел, а рукоять с кистью снаружи осталась. Эта скотина зубищами как клацнула, думал, крис пополам перегрызет. Руку бы напрочь отхватил, если бы под клыки попала. Да и ты ему влепил пулю хорошо, в самую грудь. Силы у кавказца уже не те были, – умываясь, спокойно поведал подробности боя с псом Митяй. – Хотя повалиться все равно пришлось маленько, чтобы удерживать этого бугая, пока он не сдох.

Неожиданно из темноты, оттуда, где лежал поверженный пес, раздался хрип, перешедший в стон. Он был громкий, протяжный и так похож на человеческий, что Вадим даже вздрогнул.

– А вот сейчас точно сдох зверь, отошла псина в мир иной, собачий, – доложил Данила-мастер, высмотрев в прибор ночного видения подробности кончины собаки. – А все-таки хороший экземпляр был...

Он не договорил. Все застыли, вслушиваясь в ночь. Совсем близко, возможно, из соседнего двора, послышался собачий вой. Мгновение спустя к нему присоединился вой еще одной собаки, за ней следующей... Через полминуты со всех концов села неслись горестный вой. Похоже, все собачье население аула оплакивало своего павшего собрата. Веклемишев впервые слышал подобный траурный концерт, и снова мурашки пробежали по его коже.

– Сваливать надо, – убежденно сказал Митяй. – Как бы эта зубастая братва за своего Шарика не устроила нам кровную месть.

– Кто его завалил, тот и кровник – его и грызть будут, – уточнил Данила.

– Да пошел ты, – незлобиво парировал укол Митяй. – А кто первый стрелял? Эх, нам бы сейчас «оралку» ультразвуковую, сразу бы этот концерт прекратился.

– Отставить разговоры, – повысил голос Веклемишев. – Рта не закрывают, болтуны. Распустились тут... Марш вперед! Построение прежнее.

Собачий вой сопровождал пробирающуюся огородами пятерку, пока они не выбрались из села, и еще долго был слышен за их спинами. Конечно, Митяй был прав, «оралка» – миниатюрный ультразвуковой генератор, машинка, оглушающая собак, обладающих не только тонким обонянием, но и таким же слухом, сейчас бы не помешала. Все псы бы заткнулись и разбежались по окрестным горам. Издевательство, конечно, над животиной, однако, будь она в наличии, и кавказец остался бы жив. Но всего, увы, не предусмотреть.

Они снова вернулись к дороге и скорым маршем двинулись по мокрой обочине. До следующего села было около восьми километров, а там уже до заставы, считай, рукой подать. Радиостанция заработала, когда они удалились от «собачьего» аула не более чем на полкилометра.

– Стоян докладывает, что колонна двинулась вперед, – сообщил Митяй. – Передает, что надежд на дальнейшее движение не было, но вдруг в селе страшно завывли собаки, а несколько штук прибежали с поджатыми хвостами и забились под подолы хозяйкам. Кто-то заорал, что в аул явился шайтан, демон ночи, и женщины с криками разбежались по домам. Дорога свободна, они уже на выходе из села.

– Это ты, Митяюшка, у нас демон ночи, всех баб распугал, – хохотнул коротко Данила-мастер и замолк, помня выговор Веклемишева насчет лишней болтовни.

Сообщение было приятным. Ехать, хоть и на броне, продуваемой всеми ветрами, все лучше, чем двигаться пешим ходом. Ну а насчет «демона ночи» Данила, возможно, и прав. Не миновать Митяю этого прозвища. А сработал прапорщик молодцом. Как учили.

Глава 9. Прости-прощай...

Колонна не остановилась, а только притормозила, подбирая команду Веклемишева. Кто-то высунулся из «УАЗа» и «Урала», контролируя посадку бойцов на бронетранспортер. Вероятно, это были Стоянов и Тамбовцев – шлемы-«киборги» не давали возможности в скупых темно-синих лучах светомаскировки идентифицировать их личности. Забравшись на броню, Вадим махнул рукой, сигнализируя, что все в порядке. Головы в «киборгах» убрались, машины прибавили ход.

– Митяй, передай Тамбовцеву, чтобы повнимательнее следил за дорогой. Чую, будут еще сюрпризы, – приказал Веклемишев.

– Понял, – ответил прапорщик и забубнил в микрофон: – Дантист, я Вандал-три, прием...

– Григол, а где это ты повел знакомство с Рамзаном Кадыровым? – спросил Веклемишев у Абашидзе, сидевшего рядом на броне, вспомнив допрос «восточника». – По телефону так запросто болтаете...

– Когда в Чечню прилетал президент, была встреча, где он вручал правительственные награды. Рамзан присутствовал как официальное лицо, можно сказать, хозяин дома. После встречи пересеклись, разговорились... – лаконично доложил Григол.

– Знакомство оказалось не только приятным, но и полезным, – подытожил слова Абашидзе Вадим.

Он взглянул на фосфоресцирующий циферблат наручных часов. Время бежало со скоростью курьерского поезда. Уже сутки раненый Муса Дагаев находился в пещере без еды и пищи, держа в руках гранаты с выдернутыми чеками. Выдержит Двадцать второй? Дождется ли он Викинга? По-хорошему, если без задержек, еще как минимум час добираться до убежища в горах, где укрывается Дагаев.

Дорога с каждой пройденной сотней метров становилась все хуже и хуже. Машины еле-еле плелись, переваливаясь по каменным осыпям. Настроение от такого черепашьего марша становилось все отвратительнее. А тут еще и дождик припустил – мелкий и холодный. Вадим выглянул из-за башни БТРа, надеясь, что увидит огни или хоть намеки на близость последнего перед заставой аула-юрта. Однако, как он ни старался, ни напрягал зрения, выходило по Александру Сергеевичу: «Ни жилья, ни теплой хаты...», более того, и «версты полосаты» отсутствовали в ближайшем обозрении.

– Ах, твою в болото!! Просмотрели!!! – с отчаянием вырвалось у Веклемишева, прервавшего и без того невеселые поэтические размышления.

Яркая вспышка метрах в пятидесяти слева выбросила из-под откоса сгусток пламени. По пологой низкой траектории он стремительно понесся к колонне, медленно движущейся по скользкой дороге.

– Слева гранатометчик! – заорал Данила-мастер.

– Огонь! – выкрикнул Веклемишев, хотя его команды уже не требовалось – бойцы в «Урале» и БТРе мгновенно среагировали на выстрел гранатомета, раскинув крылья трассеров, стали обильно поливать свинцом темные окрестности.

Вадим зачарованно смотрел на летящую к колонне смерть. Три, максимум – четыре секунды, не больше, прошли с момента вспышки, но они, казалось, растянулись на целую вечность. Граната плыла к машинам, выбирая себе жертву. «Урал»?...

Бронетранспортер?... «УАЗ»?... Или, бог милостив, пройдет мимо?

Не прошла...

Водители не успели ни затормозить, ни увеличить скорость, чтобы убежать от приближающейся гранаты. Она попала под заднее колесо «УАЗа», по крайней мере, Веклемишеву так показалось. Вместе со всеми находившимися на броне в момент взрыва он спрыгнул на

землю, укрываясь от осколков. Водитель БТРа вовремя среагировал и, вывернув руль вправо, остановил машину, прикрыв скатившихся с нее бойцов. Яркий свет залил окрестности. Горящие обломки «УАЗа» полетели над бронетранспортером, падая на голый каменистый склон, скатываясь с него к дороге...

– Там же Стоян!!! – во всю глотку заорал Митяй. – Суки!!!

– Лежать!!! Отразить нападение! – прокричал Веклемишев и, укрывшись за колесом, дал длинную очередь из «бизона» по тому месту, где укрывался гранатометчик.

Он понимал, что люди, находившиеся рядом с ним, имеют достаточный опыт, чтобы не лезть под огонь боевиков на открытое пространство, и его приказание не более чем выход собственным эмоциям. Стрельба продолжалась около минуты, а затем по команде Тамбовцева стихла. Веклемишев был старшим по званию, однако в колонне, в отличие от действий в отрыве от общей группы, исполнял роль московского гостя и так же, как все остальные, подчинялся приказаниям майора.

– Дантист приказал никому не двигаться с места, пока не вернутся разведчики, – мрачно доложил Митяй, приняв команду по радиосвязи.

Веклемишеву, укрывшемуся за колесом БТРа, было видно, как от «Урала» вправо и влево по обочинам скользнули темные юркие силуэты. Лишь одно короткое мгновение их можно было различить в отблесках пламени горящего «УАЗа», но уже через секунду они исчезли в вязком сумраке, наползающем на дорогу. Минуты ожидания казались часами. Но вот слева совсем недалеко послышался выстрел... еще один... Снова ожидание...

– Дантист дал отбой, – наконец выдохнул Митяй и, вскочив на ноги, кинулся из-за бронетранспортера к «УАЗу», а точнее к тому, что от него осталось.

– Григол! Организуй охрану колонны с тыла, – бросил старшему лейтенанту Веклемишев и поспешил за Митяем.

Граната развалила «уазик» на две части. Точнее, на одну – относительно узнаваемую по искореженному капоту, двигателю, лежащему на земле, и выкатившемуся из-под них переднему мосту, и вторую половину, представляющую собой множество обломков, разбросанных на дороге и на склонах вокруг машины.

Выстрел попал в корму «УАЗа», где находится бензобак, и оставалось лишь удивляться тому, что хоть половина автомобиля уцелела.

Кто-то из бойцов тушил догорающую машину, забрасывая искореженные останки пеной из огнетушителя. Около «Урала» басовито-отрывисто командовал Тамбовцев, организуя охранение из своих людей.

– Есть кто живой? – спросил Вадим у бойца с огнетушителем.

– Там, впереди, – махнул головой тот. – Но вряд ли...

Веклемишев обогнул то, что осталось от машины, и подошел к бойцам, окружившим лежащие на земле окровавленные тела. Найдшихся на передних сиденьях машины водителя и подполковника-пограничника выбросило через переднее стекло. Оба не подавали признаков жизни. Шансов уцелеть у них практически не было, уж слишком велик заряд выстрела гранатомета для такой крохи, как «УАЗ». Вадиму одного взгляда на лежащих в лужах крови пограничников было достаточно, чтобы понять, что, как косноязычно пишут в милицевских протоколах, они получили травмы, несовместимые с жизнью.

– Что с капитаном Стояновым? – угрюмо спросил Веклемишев у озиравшегося по сторонам Митяя.

– А хрен его знает! – совсем не по-уставному растерянно доложил прапорщик. – Видать, его на атомы трансплюкировало.

– Чего-чего?! На какие атомы? – возмутился Вадим. – Где его тело?

– Следов капитана Стоянова в машине и рядом с ней не обнаружено, – уже официально выдал Митяй. – Исчез без следа, хотя точно ехал в «УАЗе».

– Митяй! Что с Димитром?! – раздался над ухом мощный бас майора Тамбовцева. – Здравия желаю, товарищ полковник! Дима мне доложил в селе, что это мы вас, Вадим Александрович, на заставу сопровождаем.

– Здравствуй, Иван! – Веклемишев пожал руку майору. – Димитр точно находился в «уазике»?

– Точнее быть не может, – мрачно сказал Тамбовцев, осматривая разваленную взрывом машину. – Как раз на заднем сиденье, куда граната угодила...

– Во! Явление Христа народу, – неожиданно радостно сказал Митяй. – Жив наш капитан! Только где ж его так валяли? Еще грязнее меня...

Слева из темноты появился Стоянов, поддерживаемый Данилой-мастером. Он шел, сильно хромя, морщась при каждом шаге.

– Димитр, ты как от гранаты убежал? – удивленно спросил Тамбовцев. – Мы по тебе уже панихидку справлять наладились, а ты – живее всех живых, как вождь мирового пролетариата. Что со здоровьем? Почему хромаем?

– Рано вы меня хоронить собрались, – махнул рукой Стоянов. – Не доставлю я вам этого удовольствия. Как слева вспышка от пуска гранаты полыхнула, я сразу – нырком из машины. Было у меня нехорошее предчувствие, вот я дверь открытой и держал. Ушел в кювет, а тут взрывом меня еще дальше по склону отбросило. Так что по состоянию на сей момент я жив и здоров, чего и вам желаю. Только ногу малость потянул, да голова кружится.

– У всех было предчувствие, – угрюмо сказал Тамбовцев и кивнул в сторону лежащих тел пограничников, – да только ты один дверь открытой держал.

– Жалко ребят, – скорбно сказал Стоянов. – Эх, жисть наша жестянка, судьба поганка... Гриша! – обратился он к подошедшему Абашидзе. – Твоих накрыло.

– Вижу, – срывающимся голосом сказал Григол. – Игорь Иванович начальником оперативного отдела у нас в отряде... был. Толковый мужик! Двое детей у него остались... две девочки. И Эдик, водитель, только три месяца, как контракт подписал...

– Зови, Гриша, своих бойцов, – перебил его Тамбовцев. – Пусть перенесут подполковника и сержанта в «Урал». Двигаться надо, скорбеть потом будем. На заставе, передают по связи, сильно жареным пахнет. С минуты на минуту ждут нападения. А вот и охотник Дрозд с добычей! Доброго каплуна взял!

Боец в «лохматке» – бесформенном камуфляжном, пышно ушитом ленточками костюме разведчика, появился из темноты, волоча за собой стонущего человека.

– Гранатометчик, раненый, – коротко доложил Дрозд, небрежно уложив задержанного боевика у ног офицеров. – Из «мухи» стрелял. Второй, что с ним был, Двухсотый.

– Ай, как мне больно! Перевяжите меня, иначе я умру, – неожиданно истерически завопил пленник.

– Тебе, сволочь, больно? – искренне удивился Тамбовцев.

Он нагнулся, ухватил боевика за волосы и с силой развернул его голову лицом к лежащим на дороге трупам.

– А им уже не больно! – проорал ему в ухо майор. – Больно их детям, женам и матерям. А что такое боль, ты, блевотина, еще узнаешь!

– Вы не имеете права! – плачущим голосом заверещал боевик. – Согласно Женевской конвенции...

– Заткнись, сучонок! – рывкнул на него майор. – И грамотного из себя не строй. Только вякни, гнида лагерная, что ты военнопленный, я тебя своими руками придушу.

– Перевяжите меня, – снова завел пластинку боевик. – Как мне больно! Ой, больно!..

– Стоян, ты как? – обратился к капитану Тамбовцев.

– Да вроде ничего, – пожал плечами Димитр. – Руки-ноги целы, а голове что сделается – сплошная кость. Готов к труду и обороне...

– Тогда займись этим ублюдком, поспрашивай в темпе. Возьми в помощь Митяя. Судя по одежке и внешнему виду, он не с гор пришел, а местный джигит. Думаю, ничего особенно интересного от него мы не услышим, но нам любые сведения в строку.

– Все понял, – кивнул Стоянов и деловито уточнил: – А по окончании беседы куда его? С собой потащим?

– Если окажется сверхценным информатором, в чем я сильно сомневаюсь, может, и потащим. А нет, отдашь его Грише, – Тамбовцев кивнул в сторону Григола, распорядившегося переносом тел убитых в «Урал». – Это их кровь...

– Митяй! Тащи этого за БТР, – скомандовал Стоянов, кивая на стонущего боевика. – Он, проказник, на ушко нам что-то хочет пошептать.

Вадим не вмешивался в разговор Тамбовцева с подчиненным и не пытался корректировать его приказания. Он прекрасно понимал, что судьба пленника предрешена. На войне, как на войне! И на чьей стороне правда и милосердие, кто прав, кто виноват, еще будут долго спорить и так и не смогут найти ответа. Потому что его нет и быть не может.

Веклемишев сделал вид, что не понял, о чем идет речь, и просто отвернулся к дотлевающим останкам «УАЗа», которые спецназовцы-пограничники растаскивали в стороны, освобождая дорогу для проезда бронетранспортера. Из темноты из-за БТРа неслись сдавленные стоны и быстрая, плохо различимая речь. Похоже, «водопад» полился. Специальным курсом в учебной программе Отдела шла методика проведения допросов, в том числе – ускоренных, в полевых условиях. Видимо, Стоянов и Митяй имели хорошие оценки по данному разделу обучения. Не прошло и пяти минут, как они вышли на свет фар. Прапорщик бережно укладывал свой знаменитый крис в ножны.

– «Чех» из местных, амнистированный участник незаконных формирований. Даже паспорт при себе имеет, – доложил Стоянов. – Сказал, что сегодня с утра боевики всех мужчин в округе собирали, сколачивали в отряды. Его, как обученного специалиста, посадили у дороги с гранатометом. Клялся, что заставили, что не хотел...

– Да они все не хотели, – пробурчал Тамбовцев. – Только этот ублюдок не промахнулся, выстрел вlepил точно в цель, и именно в «УАЗ», где, по расчетам, гость из Москвы должен был находиться. Что-нибудь еще доброе он сказал?

– Ничего толкового, – отрицательно качнул головой Стоянов.

– Ни имен боевиков, ни цели сегодняшней мобилизации не знает. Есть ли еще засады по пути следования, также не в курсе. Сказал только, что такого массового сбора раньше никогда не было и что команда поступила с той стороны Кавказа.

– Зато не массово они собираются в шайки и долбят наших чуть не каждую ночь, – зло бросил Митяй.

– Отставить эмоции, прапорщик, – строго сказал Тамбовцев и вопросительно глянул на Веклемишева. – По машинам? Есть по машинам!

Бронетранспортер уже тронулся, когда из темноты появился Григол в сопровождении сержанта Коли. Митяй и Данила-мастер помогли им вскарабкаться на броню.

– Ну что, прости-прощай, Одесса-мама? – невесело спросил Данила у Григола, однако его вопрос остался без ответа.

Комментариев, как говорится, не требовалось.

Глава 10. Дом, улица, фонарь... и очередная засада

Одиноким далекий фонарь возник на очередном повороте дороги. Колонна подходила к последнему перед заставой селу. Дрозд по команде Тамбовцева передал Веклемишеву свой шлем-«киборг», и он находился на прямой связи с майором. А еще прибор ночного видения сделал Вадима «зрячим» в непроглядной ноябрьской ночи. Теперь не только Митяй и Данила-мастер наблюдали за дорогой, но и он сам с брони внимательно поглядывал по сторонам.

Покосившаяся ограда из необструганных жердей и приземистая неосвещенная халупа в паре десятков метров от дороги, сложенная из камня-дикаря, выплыли из темноты. Надо полагать, колонна уже входила в село.

– Что-то я не наблюдаю скопления восставшего народа, – услышал Веклемишев в наушнике голос Тамбовцева. – И это не сказать, что радует, больше – настораживает.

– Возможно, дорогу блокируют не здесь, на входе в юрт, а где-то в другом месте, – предположил Веклемишев. – Хотя бы под тем фонарем, что маячит впереди. Чего зря в темноте женщинам сидеть – скучно и страшно. Мужчин же, как сказал гранатометчик, боевики мобилизовали.

– Думаю, следует выслать передовое охранение, – доложил по связи Тамбовцев.

– Делай, как считаешь нужным, – передал ему Вадим. – Ты командир в колонне, не я.

Веклемишев понимал, что майор чувствует себя несколько скованно в его присутствии. Может быть, если бы Тамбовцев сопровождал кого-то незнакомого, он бы работал более свободно. И, зная характер майора, Вадим мог сказать, что если бы этот «кто-то незнакомый» вне зависимости от чина и ранга попытался бы вмешаться в руководство действиями Тамбовцева, то адрес, по которому он был бы направлен, пришлось искать очень долго. Но Иван слишком хорошо знал Веклемишева, его боевой опыт и ставшее едва не легендой умение выживать в любой, самой жуткой обстановке. Да и комплекс школяра перед своим учителем, а ведь именно Вадим готовил группу Тамбовцева к командировке в Чечню, еще будучи заместителем начальника Отдела по боевой подготовке, давал о себе знать...

Веклемишев увидел, как из кузова «Урала» десантировались два бойца. Они были легко экипированы: в темные комбинезоны и «разгрузки» без бронежилетов. Естественно, к оружию понятие легкой экипировки не относилось – вооружены бойцы были по полной программе. Разведчики разбежались по обочинам дороги и скрылись в темноте, обгоняя грузовик. Машины снизили и без того небыстрый бег и покатали со скоростью пешехода, давая возможность бойцам оторваться на достаточное расстояние от колонны. Их доклады теперь мог слышать и Веклемишев.

«Урал» и бронетранспортер медленно двигались по кривым, немощеным, скачущим вверх-вниз улочкам горного села. Ни единой души не являлось навстречу, ни одного тусклого огонька не теплилось в окнах домов, в беспорядке раскиданных по окрестным склонам. Только фонарь светил где-то впереди и нежно манил к себе с садистской настойчивостью удава Каа: подойдите ближе, бандерлоги... еще ближе... еще на шаг...

– Вижу с десятков женщин на дороге под фонарем, – прошел доклад разведчика по связи в «киборге». – Стоят спокойно, смотрят в нашу сторону, по всему – ждут подхода колонны.

– Сема, вы можете подобраться поближе и уточнить количество людей, блокирующих дорогу? – раздался в наушнике голос Тамбовцева. – И осмотритесь и проверьте подступы.

– Попробуем, – спокойно ответил разведчик и обратился к напарнику: – Говорун, прокачай наличие людей за тем сараем с вывеской «Продукты». Что-то не нравится мне тот закоулочек. А я попробую просочиться поближе к толпе.

Веклемишев уже различал силуэты людей, стоящих под фонарем. Машины двигались с черепашьей скоростью, чтобы дать время разведчикам уточнить обстановку.

– За магазином обнаружил двоих мужчин, – послышался голос Говоруна. – Оружия не вижу, но поведение подозрительное: явно выглядывают колонну из-за угла.

– Сможешь их отработать? – деловито спросил Тамбовцев.

– Сделаю, – коротко сказал Говорун. – Приступаю...

– Женщины ведут себя спокойно, – доложил разведчик Сема, – не дергаются, только смотрят на приближающиеся машины. Количество народа: три... шесть... девять... одиннадцать... Больше не наблюдаю. Детей в поле зрения нет.

– Оставайся на месте, жди подхода колонны, – отдал распоряжение разведчику майор.

– Отработал обоих, – очень скоро запыхавшимся голосом доложил Говорун. – У одного обнаружился под курткой «калаш» без приклада. Второй был вооружен пистолетом.

– Внимание! Идем на прорыв! – неожиданно громко раздался в наушнике грозный голос Тамбовцева. – При подходе к толпе по моей команде все бойцы десантируются и разгребают дорогу от центра к обочинам. «Тамбовцы» чистят и держат левую сторону, пограничный спецназ – правую. Руководят, соответственно, Стоян и Гриша. Работать аккуратно, как-никак там одни бабы, но уверенно. Водителям скорость держать пять километров в час, следить, чтобы никто не попал под колеса. Доложить готовность!

– Готовы! – послышался в эфире голос Стоянова.

– Спецназ готов! – вторил ему Абашидзе.

Вадим вглядывался в кучку женщин, перегородивших дорогу. В предыдущем селе, которое они миновали с помощью «демона ночи», местные жители были настроены более агрессивно. Здесь же складывалось впечатление, мятежный дух отсутствовал напрочь, являя взгляду понурые женские фигуры, укутанные в толстые платки и шали. Веклемишев зафиксировал, как одна, за ней – вторая, третья, настороженно оглянулись на одноэтажный домик с вывеской «Продукты» под коньком крыши.

Нетрудно было догадаться, что именно оттуда ведется руководство блокированием дороги. Точнее – велось. Говорун, отличающийся не только умом и сообразительностью, но и великолепной подготовкой бойца-рукопашника, уже подчистил территорию.

– Внимание всем! – грянул голос Тамбовцева в наушнике. – Вперед, орлы! Освободить трассу!

Из «Урала» и бронетранспортера – с брони и из коробки – посыпались бойцы. Разрезав кучку женщин надвое, за считанные секунды они расчистили дорогу. Шлемы-«киборги» ушли влево, а зеленые вязаные шапки и каски пограничников-спецназовцев откатились к правой обочине. «Мятежные» дамы не успели даже толком пискнуть, как были оттеснены, а некоторые и унесены с проезжей части. Колонна спокойно миновала неосуществленный в мятежных реалиях пикет.

– По машинам! – уже не по радиосвязи, а стоя на подножке «Урала», во всю глотку рявкнул Тамбовцев.

Бойцы резво кинулись выполнять приказ майора, на ходу запрыгивая в технику. Обескураженные женщины растерянно выстроились по обочинам, провожая взглядом уходящие в темноту машины.

– Товарищ старший лейтенант! – высунулся из люка механик-водитель бронетранспортера, выглядывая Абашидзе. – По радиостанции пришел вызов на связь. Застава в эфире.

– Понял тебя, сейчас спущусь, – ответил механику Абашидзе, контролируя посадку своих людей на БТР.

Убедившись, что все забрались на бронетранспортер, Григол нырнул вниз. Минуты через три голова Абашидзе высунулась из люка наружу.

– Товарищ полковник! Передайте Тамбовцеву, что с заставы нам навстречу вышел ГТСМ с пограничниками. Было замечено в прибор ночного видения движение на дороге, вот и решил начальник подстраховаться и встретить колонну.

– Какая обстановка вокруг заставы? – спросил Веклемишев у Григола, передав Ивану сообщение о вышедших им навстречу пограничниках.

– Из хорошего: из погранотряда на заставу выдвинулось подкрепление в составе двух взводов спецназа, плюс на марше уже находится рота мотострелков из бригады МВД.

– Прибудут не раньше чем через полтора-два часа, – недовольно покачал головой Веклемишев. – А за это время может что угодно произойти...

– Непосредственно на заставе была пресечена попытка скрытого проникновения на позиции боевиков численностью до десятка. Нападение отражено. Вероятно, это была разведка. Наблюдатели докладывают, что различают концентрацию значительных сил боевиков на удалении до полутора километров на южном и юго-восточном направлениях, – доложил Абашидзе и уточнил для ясности: – С этой стороны относительно пологие склоны, то есть проще подобраться почти вплотную к позициям.

– И это направление не заминировано? – усомнился Веклемишев.

– Только закрыто сигнальными минами, – поморщился Григол. – Где-то на Дальнем Востоке молодой пограничник, не ведая о поставленных «сюрпризах», пошел «до ветру» и подорвался на своей же mine. Как следствие – пришло указание снять минные поля с ближайших подступов к заставам.

– Идиоты! – выругался Вадим, имея в виду тупость чиновников в мундирах, которая, честно сказать, мало чем отличается от подобной же тупости и стремления прикрыть руководящими бумагами филейные места чинуш в гражданских пиджаках.

Совсем близко, за ближайшими скалами, послышались автоматные очереди. Направление, где велась стрельба, указали трассеры, разрезавшие на куски непроглядное черное небо справа впереди по маршруту движения колонны. Донесся сильный взрыв, с малым интервалом – два чуть потише, почти слившиеся, и секунду погодя еще один, тоже слабый. Первый явно исходил от выстрела гранатомета, а все последующие были разрывами ручных гранат.

– Погранцы нарвались! – послышался в наушнике «киборга» громовой голос Тамбовцева. – Третью засаду на дороге на себя приняли. Внимание! Стоп машины! Всем спешиться! Стоян, Гриша, ко мне в голову колонны.

На указания майора Стоянову и Абашидзе ушли считанные секунды. «Тамбовцы» и пограничники-спецназовцы двумя группами поспешили к месту боя. Вадим слышал в наушниках отрывистые приказы Стоянова и ответные доклады «отдельцев» и мог представить себе, что сейчас творится за поворотом дороги. Похоже, не двое и не трое боевиков, как в двух уничтоженных засадах, а гораздо больше поджидали их колонну на подступах к заставе. Дорога была блокирована с двух сторон. Стрельба усилилась, опять пошли в ход ручные гранаты, накрывавшая автоматную стрельбу глухими разрывами. Однако через несколько минут звуки боя стали постепенно стихать. Скоро стали слышны лишь отдельные выстрелы. По переговорам Стоянова с подчиненными стало ясно, что сопротивление боевиков практически подавлено. Наконец Димитр доложил по связи Тамбовцеву, что можно двигаться дальше.

Правда, именно с продвижением колонны появились серьезные проблемы. Выстрел гранатомета попал в трансмиссию «гтсмки», вывернув катки и постелив на камни правую гусеницу. Похоже, и с двигателем были проблемы. Заглохшая машина, зияя рваной раной в бок, мертво встала поперек дороги, не давая проезда «Уралу» и бронетранспортеру. Вручную, как «уазик», стащить с проезжей части эту махину было невозможно. Лишь совместными усилиями «Урала» и БТРа ее можно было сдвинуть с места.

– Какое расстояние до заставы? – спросил у вымазанного в грязи пограничника, стоявшего у «гэтээсэмки» и с гримасой боли и жалости смотревшего, как люди Григола вытаскивают из люка тело погибшего механика-водителя. Еще один мертвый пограничник лежал, вытянувшись, у развернутой гусеницы.

– Что? – громко переспросил боец и, с трудом ворочая языком, едва связывая звуки в слова, произнес: – Я плохо слышу. Генку убили... И Славку Комара...

Судя по несвязной речи, парня сильно контузило взрывом гранаты.

– Далеко отсюда до заставы? – в ухо бойцу прокричал Веклемишев.

– Чуть больше километра. Капитан отправил нас встретить вас...

– Надо выдвигаться пешим ходом, – не дослушав медленную речь контуженного пограничника, обратился Веклемишев к Тамбовцеву, стоящему рядом. – На то, чтобы ГТСМ с дороги убрать, надо как минимум полчаса потратить...

– Капитан сказал, чтобы мы вас провели в пещеру к тому чеченцу с гранатами, – не слыша слов Вадима, продолжал бубнить пограничник.

– Что? Ты можешь нас отсюда напрямик провести к Дагаеву? – уловил смысл сказанного Веклемишев.

– Это ближе, чем идти от заставы, – пограничник мотнул головой за спину Вадима. – Надо вернуться немного назад. Метров через двести будет спуск в распадок. По нему можно пройти к пещере.

– Ты нас туда проведешь? – крикнул в ухо парню Вадим.

– Боюсь, не дойду, – пошатнувшись, сказал пограничник. – Ноги словно ватные... Но Серега тоже дорогу знает.

– Какой Серега? Где он? – проорал Веклемишев.

– Вон, Лапников, – указал контуженный на вышедшего из-за «гэтээсэмки» невысокого паренька в большом, не по росту, бронежилете.

– Ты Серега? Знаешь дорогу к пещере, где сидит раненый чеченец? – шагнул к нему Веклемишев и, едва тот кивнул в ответ, дал распоряжение Тамбовцеву: – Митяя, Говоруна и Дрозда – в мое распоряжение. И пусть возьмут с собой радиостанцию; с этой «уоки-токи», – Вадим хлопнул ладонью по шлему-«киборгу», – мы связь потеряем, как только удалимся друг от друга на полкилометра. Да и аккумуляторы долго не протянут. Ты сам, Иван, с остатками своей группы и спецназовцами Григола двигай на усиление заставы. Машины бросай здесь, марш – пешим ходом.

– Не мало ли вам, Вадим Александрович, троих бойцов? – усомнился майор. – Вдруг наскочите на засаду?

– Справимся. Бог не выдаст, свинья не съест, – отрезал Веклемишев. – Если до сих пор боевики не вышли на пещеру, а, вероятнее всего, они об этом убежище ничего не знают, шансы прорваться туда без боя велики. Я думаю, на заставе жарче будет, причем очень скоро.

Будто в подтверждение его слов окрестные горы разорвали звуки массированного автоматного огня. Отраженные эхом, они словно летний ливень обрушились на головы и плечи людей, прижимая их к земле.

– Командуй, Иван! – крикнул Веклемишев Тамбовцеву. – И еще... Я Стоянову дал кое-какие инструкции, уточни. Если придет от меня распоряжение, строго следовать им, что бы ни происходило вокруг.

– Есть строго следовать, товарищ полковник! – рявкнул Тамбовцев, и через секунду его громовой командный голос разнесся над дорогой, заглушая доносившийся шум автоматной стрельбы.

Глава 11. Я умер вчера...

Сергея Лапников, несмотря на малый рост и курносый нос, которым он периодически шмыгал, оказался человеком весьма серьезным, степенным и при всем этом не лишенным чувства юмора.

– Тебе, паря, «броник» в коленях не жмет? – ласково поинтересовался Митяй, когда Вадим представил проводника команде, которая должна была сопровождать его к пещере, где находился Муса.

– Я не паря, а младший сержант пограничной службы Лапников, – строго проинформировал прапорщика Серега. – А что до моего бронежилета до колен, так мне еще детей надо заводить. Так-то оно надежнее будет. Ноги, голова – вещи, конечно, нужные, но для мужика не всегда главные. Еще вопросы к моей личности и экипировке имеются?

– Вопросов нет, товарищ младший сержант пограничной службы, – после общего хохотка доложил Митяй. – Остались одни восхищения воинской и мужской предусмотрительностью.

– Ты, Лапников, дорогу к пещере хорошо знаешь? – навис над мальцом двухметровый Говорун, в миру – старший прапорщик Литовченко. – У тебя, случайно, воинская профессия не та, по которой специализировался дедушка Сусанин?

– Нет, я больше по профилю Герасима прохожу, – не остался в долгу Лапников. – Молчу в тряпочку, дружу с Муму, на лодке ее катаю...

Говорун и Митяй негромко засмеялись, оценив шутку Сереги.

– Прекратить базар и ржание! – прикрикнул на бойцов Вадим. – Отстаньте от парня, жеребцы!

Веклемишев вместе с Дроздом – старшим лейтенантом Исаевым – проверял настройку радиостанции. Тамбовцев с остатками своей группы и людьми Абашидзе спешил к заставе, принявшей бой с боевиками, о чем он и сообщил по радиосвязи. Вадим с командой, наоборот, удалился от места засады, где подбили ГТСМ с встречавшими их пограничниками, в противоположную сторону. Они прошли порядка двухсот пятидесяти метров и остановились на обрезе дороги, там, где указал младший сержант Лапников. Отсюда начиналась тропа, по которой можно было пройти к пещере, в которой уже больше суток томился Муса Дагаев.

– Готовы, орлы? – завершив сеанс связи, для порядка спросил Веклемишев. – Тогда вперед! Давай-ка, Серега, мы на тебя наденем чудо-шлем. В нем есть такая штуковина, в которую ночью хорошо видно.

Вадим оглядел троицу «отдельцев», прикидывая, чей «киборг» отдать Лапникову.

– Да нужна мне эта бандура, – отмахнулся сержант. – Я ночью как кошка вижу. Дорога мне известна, да и от сполохов светло.

Действительно, ночная тьма уже не просто вспыхивала, а дрожала неярким светом от множества трассирующих пуль, расчерчивающих тонкими искрящимися бисерными нитями черное небо. И совсем светло становилось от коротких вспышек, после которых с небольшой задержкой прилетали, беснуясь эхом между скалами, хлопки гранатных разрывов. Доли секунды по камням металась тень, но и этих секундных сполохов хватало, чтобы разглядеть, что у тебя под ногами. А вот и посерьезнее звук прилетел, и полыхнуло ярче. Похоже, в ход минометы пошли. Только кто стреляет: пограничники или боевики?

Вопрос остался без ответа, потому что и без него было над чем поразмыслить и чем заняться.

– Построение: сержант Лапников, Говорун, Митяй, следом иду я, в замыкании – Дрозд, – скомандовал Веклемишев. – Всем на ходу быть внимательными, готовыми к отражению нападения. Вперед марш!

Пятерка бойцов змейкой пробиралась между валунами по неглубокому ущелью. Складывалось впечатление, что весной здесь протекала речка, собирающая каждый год с окрестных гор талую воду, возможно бурная, на что указывали гладкие отшлифованные гранитные валуны. Но сейчас здесь было сухо или почти сухо, если сделать скидку на ноябрьскую непогоду. По крайней мере, ни реки, ни даже серьезного ручейка под ногами не наблюдалось.

Сергея Лапников, хотя и был одет в бронежилет не по размеру и не имел «ночника», передвигался быстро. И похоже, насчет кошачьего зрения паренек не врал. Он ловко перескакивал с камня на камень, всегда находя надежную точку опоры для ноги, и практически ни разу не оступился. Все остальные, несмотря на «киборги», оснащенные окуляром ПНВ, нечасто, но спотыкались. Младшему сержанту по команде Веклемишева пару раз приходилось останавливаться, ожидая, когда подтянется растянувшаяся группа.

По словам Сергея, пещера находилась в километре от дороги, точнее – от той ее точки, где они начали спускаться в ущелье. От заставы в обход до нее было чуть больше. Однако ущелье почти сразу уходило круто вправо и приближалось к позициям пограничников, где сейчас шел бой, на расстояние не более полукилометра. Выстрелы не стихали, с шумом лавины они скатывались с плато, где располагалась застава, по скалам вниз к совершавшей марш группе Веклемишева. Уши закладывало от неимоверного грохота, усиленного горным эхом.

Но скоро ущелье резко повернуло влево, и звуки боя стали глуше, а света – значительно меньше. Отвесные стены нависли над головами, и сполохи светлячков-трассеров почти не освещали русло высохшей речки.

Шли в темпе, однако темень и каменные осыпи не давали быстро двигаться. Километр по равнине – максимум семь-десять минут ускоренного марша, а по горному бездорожью этот норматив можно увеличить как минимум вдвое.

– Стой! – совсем тихо скомандовал сержант, но его все услышали и мгновенно замерли на месте. – Наш секрет...

Веклемишев ничего и никого не видел поблизости, хотя очень внимательно обшаривал глазами через окуляры ПНВ окрестные скалы. Негромкий, мелодичный, почти соловьиный пересвист Лапникова разбудил мрачное ущелье. Ответный свист из темноты подтвердил, что они здесь не одни.

– Стой, кто идет? – раздался окрик из темноты, из-за завала камней.

– Младший сержант Лапников с сопровождающими, – ответил Сергей.

– Лапников, ко мне, остальные на месте, – последовала четкая команда.

Младший сержант сделал несколько шагов вперед и остановился.

– Пароль! – послышалось из темноты.

– Челябинск, – доложил младший сержант. – Отзыв!

– Мурманск, – ответил невидимый часовой. – Проходи.

«Действуют четко по Уставу караульной службы. Это если без художественного свиста. Но и с ним неплохо получается. Молодцы, пограничники!» – автоматически отметил про себя Веклемишев.

– Что там наверху, Сергей? – Из-за груды камней показалась фигура человека с автоматом.

– Бой идет, товарищ прапорщик! – коротко ответил Лапников и повернулся к ожидавшим его Веклемишеву и «отдельцам». – Проходите, товарищ полковник.

– Где пещера? Жив Дагаев? – спросил Вадим у встречавшего их пограничника.

– Это который с гранатами? Вроде живой, – неуверенно сказал прапорщик. – Пока не взорвал себя... Так это мы вас ждали, товарищ полковник?

– Да, – нетерпеливо бросил Веклемишев. – Отведите меня в пещеру. И побыстрее! Дрозд! Организовать охранение вместе с пограничниками.

– Гуляев, – оглянулся прапорщик на завал, – проводи товарища полковника к охраняемому.

– Идите сюда, – из-за камней выдвинулся караульный, одетый в плащ-палатку. – Осторожно, здесь промоина... А теперь направо. Видите щель в скале? Это вход в пещеру. Мне с вами идти или оставаться снаружи?

– Оставайся здесь. Я пойду один, – бросил ему Веклемишев.

Вертикальная щель была достаточно тесной и низкой по высоте. Вадиму пришлось потрудиться, чтобы протиснуться в нее. Однако через пару метров стены разошлись в стороны и потолок поднялся так, что Веклемишев смог встать во весь рост. Застоявшийся холодный воздух пещеры ударил ему в ноздри удушливой смесью запахов сырости подземелья и сладкой гнили человеческой плоти и крови. Этот букет ужасных ароматов был хорошо знаком Вадиму и ассоциировался лишь с одним – смертью.

Он сделал пару шагов вперед, остановился и осмотрелся через окуляр «ночника». Пещера была небольшой по размерам, не более пяти метров в диаметре, и округлой формы. Напротив входа у стены Веклемишев разглядел скорчившуюся фигуру сидящего человека. Всмотревшись в изможденное лицо, он с трудом узнал в нем Дагаева.

– Муса! – негромко окликнул его Вадим. – Это я, Викинг. Ты звал меня, и я пришел. Девятнадцать – четыре.

Нехитрый код должен был подтвердить, что Веклемишев именно тот, Двадцать третий, которого ждал Дагаев. Однако Муса никак не прореагировал ни на появление Вадима в пещере, ни на его слова. Он сидел недвижно, глядя в одну точку, держа на коленях вытянутые руки, в которых были зажаты гранаты – Веклемишев разглядел в прибор ночного видения хвостовики запалов, торчавшие из кулаков Дагаева.

– Муса, я подойду к тебе ближе, – сказал Вадим, однако сидящий никак не прореагировал на его слова.

Веклемишев сделал короткий шаг к Дагаеву, еще один, еще... Он приблизился вплотную к Мусе и медленно опустился перед ним на колени. Вадим снял с себя «киборг», зажег карманный фонарь и положил его на каменный пол. Свет от фонаря, тускло и рассеянно отразившись от серых гранитных стен, осветил пещеру.

Лица Веклемишева и Мусы оказались на одном уровне, глаза смотрели в глаза, если можно было определить словом «смотрели» застывшие невидящие зрачки Дагаева, направленные в никуда, пронзающие своей неподвижностью стоящего перед ним на коленях человека и гранитные стены пещеры... Веклемишев с болью вглядывался в обтянутые серой пергаментной кожей скулы и провалившиеся темные глазницы.

– Муса, я пришел, – повторил Веклемишев.

Сухие губы чеченца чуть шевельнулись, однако ни звука не вырвалось из его гортани. Вадим, зажигая фонарь, разглядел у ног Дагаева кольца с разогнутыми шпильками. Он потянулся, достал их и поднял на уровень глаз сидящего.

– Муса, я сейчас вставлю шпильки в запалы, – сказал он. – Мы обезвредим гранаты, и я перевяжу тебя.

– Н-е-ет, – вдруг сипло и едва слышно, на одном дыхании протянул Дагаев.

– Почему нет? – обрадованно сказал Веклемишев. – Ты же не хочешь умереть, Муса?

– Я у-мер... е-ще вче-ра... – по слогам, с металлической интонацией робота произнес Дагаев. – Я... ж-дал... те-бя...

– Не шути так, «двадцать второй», – с бодростью в голосе попытался возразить Вадим. – Мы тебя вытащим...

Он оборвал речь, разглядев, что спекшиеся губы Мусы вновь шевельнулись.

– С-лу-шай... мол-чи... – сказал Дагаев и опять замолк.

Голос его звучал совсем тихо. Похоже, с каждой секундой силы окончательно оставляли чеченца.

– Я внимательно тебя слушаю, Муса, – сказал Веклемишев. – Говори!

– Ха-лиф... хо-чет... уни-что-жить Мо-с-кву... де-ти... по-гиб-нут... ста-рики... тер-акт... зи-мой...

– Халиф готовит крупный террористический акт в Москве, – быстро повторил за ним Веклемишев. – Собирается провести его этой зимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.